

Н. КОЛЕСНИКОВА, А. ПОЛЯКОВ

ДВОЕ ИДУТ СКВОЗЬ БУРЮ

17 коп.

Папка 6 к.

Н. КОЛЕСНИКОВА, А. ПОЛЯКОВ

ДВОЕ ИДУТ СКВОЗЬ БУРЮ

И з д а т е л ь с т в о
- С о в е т с к а я Р о с с и я -
■ о с к в а - 1 9 6 6

Горы покоряются отважным, но не прощают бахвальства и легкомыслия. Турист-одиночка совершил небывалое — он поднялся на высочайшую вершину страны — пик Коммунизма. Лишь через три года друзья узнали о его судьбе. Об этом необыкновенном случае повествует остросюжетный рассказ «Путь без возвращения».

Самый северный в мире семитысячный гигант — пик Победы... Альпинистов, штурмующих вершину, застиг небывалый ураган. Люди на грани гибели. На помощь спешат спасательные отряды. Но не у всех хватило мужества пройти этот путь до конца. Труссы дезертируют, а смелые духом, победив разбушевавшуюся стихию, пробившись сквозь бурю, выполняют свой долг.

Герои сборника рассказов «Двое идут сквозь бурю» — люди разных профессий. Среди них заслуженные мастера спорта, известный исследователь Арктики и Антарктики профессор А. Гусев; партизан, участник Великой Отечественной войны Е. Иванов; альпинист с мировым именем В. Абалаков; кинооператор М. Ануфриков; ленинградский трубочист К. Клецко; московский железнодорожник В. Цверкунов; азербайджанский врач Н. Гаджиев и другие, прочно связавшие спорт со своей профессией.

Альпинизм всегда привлекает молодежь романтикой дальних, а порой и опасных походов, покорением неприступных вершин, бивуаками на горных кручах под облаками.

Рассказывая о своих героях, о том, что пришлось им пережить в горах, авторы раскрывают вечное стремление человека помериться силами со стихией и победить ее.

ПОКАЗАВШИЙ ДОРОГУ*

«Я не взошел на пик
Ленина, но я показал
дорогу другим...»

(Н. В. Крыленко)

Есть на Памире высокий пик, есть и перевал, носящие имя Крыленко. Кто такой Крыленко?

Память об этом замечательном человеке, увековеченная его друзьями-альпинистами, должна остаться жить.

...Петроград в октябре. Здесь решается судьба революции.

Солдаты бронедивизиона собрались на митинг в Михайловском манеже. Они обсуждают — соблюдать ли

* Очерки «Показавший дорогу» и «Лавинная почь» принадлежат А. Полякову.

нейтралитет, выступать ли за большевиков или против них. Ораторы сменяют друг друга. Офицеры и делегаты Думы призывают солдат к нейтралитету. От решения бронедивизиона зависит многое...

В репортаже Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир» есть рассказ и об этом митинге: «Вдруг между комитетчиками и офицерами, стоявшими на броневике, начался горячий спор. Они оживленно жестикулировали и, очевидно, никак не могли прийти к соглашению. Аудитория заметила этот спор. Огромная толпа загудела и заволновалась, желая узнать, в чем дело. Солдат вырвался из рук удерживавшего его офицера и высоко поднял руку.

— Товарищи! — закричал он. — Здесь товарищ Крыленко, он хочет говорить!

Дикий взрыв криков, аплодисментов и свистков: «Просим! Просим! Долой!» Среди невообразимого гула и рева народный комиссар по военным делам, подталкиваемый и подсаживаемый со всех сторон, взобрался на броневик. Постояв минутку, он перешел на радиатор, уперся руками в бока и, улыбаясь, оглядел аудиторию. Приземистая, коротконогая фигура в военной форме без погон и с непокрытой головой.

...— Товарищи солдаты! — начал Крыленко хриплым от усталости голосом. — Я не могу как следует говорить, простите. Я не спал целых четыре ночи...

Мне незачем говорить вам, что я солдат. Мне незачем говорить вам, что я хочу мира. Но я должен сказать вам, что большевистская партия, которой вы и все остальные храбрые товарищи, навеки сбросившие власть кроваваждной буржуазии, помогли совершить рабочую и солдатскую революцию, что эта партия обещала предложить всем народам мир. Сегодня это обещание уже исполнено!

Гром аплодисментов...

...Крыленко еле держался на ногах от усталости. Но чем дальше он говорил, тем яснее проступала в его голосе глубокая искренность, скрывавшаяся за словами.

Наступил драматический момент, когда Крыленко кончил свою страстную речь возгласом: «За Керенского направо! За Советы налево!»

Масса солдат двинулась налево. А он, кончив говорить, пошатнулся и чуть не упал, сотни рук поддержали

его, и высокий темный манеж задрожал от грохота аплодисментов и восторженных криков. Шоферы залезают в броневики, и вот уже огромные стальные дьяволы тяжело движутся по улицам, и синие стволы пулеметов готовы плавить пулями контрреволюцию...

Девятнадцати лет, в 1904 году, вступил Николай Васильевич Крыленко в партию большевиков. Ей и народу отдал он свою жизнь.

Пройдя через тюрьмы и ссылки, Крыленко в 1916 году был направлен в действующую армию. Прекрасный оратор, глубоко убежденный в правоте своих идей, страстный агитатор, он повел солдат за большевиками, был избран председателем армейского совета и делегатом от большевиков на 1-й Всероссийский съезд Советов.

Активный участник Великой Октябрьской социалистической революции, Крыленко вошел в состав первого Совета Народных Комиссаров. 9 ноября 1917 года В. И. Ленин сместил главнокомандующего всеми вооруженными силами генерала Духонина и назначил на его пост народного комиссара по военным делам прапорщика Н. В. Крыленко.

С 1918 года и до конца своей жизни Крыленко был на ответственной работе в органах советской юстиции. Несмотря на кипучую деятельность, он сумел закончить юридический и историко-филологический факультеты Петроградского университета.

На лацкане пиджака Николая Васильевича всегда можно было видеть значки «ГТО», «Альпинист СССР» или шахматный значок. Он очень любил спорт и носил эти значки с гордостью...

Мне было пятнадцать лет, когда мой друг по пионерскому отряду Стах Ганецкий познакомил меня с Николаем Васильевичем. Это было в 1926 году под Москвой, в Подрезкове, где Крыленко жил на даче. Первое время я побаивался Николая Васильевича: с работы он приезжал очень усталый и суровый. Но не проходило и десяти минут, как появлялся совсем другой Николай Васильевич.

— Хеп-хеп, малыцы, Арикан, Стах, давай сюда,— кричал он, выбегая в трусах на теннисную площадку. Дотемна он без усталости носился с нами, играл в волейбол или в теннис. А Николаю Васильевичу шел уже тогда пятый десяток. Приняв холодный душ и поужинав, Кры-

ленко усаживался за шахматы, а потом до поздней ночи сидел за бумагами, которыми туго был набит его объемистый портфель.

Николай Васильевич был первым председателем шахматной секции страны. И если шахматная жизнь столицы была в те годы бурной и яркой, если мы видели в Москве Ласкера и Капабланку, то во многом благодаря организаторским усилиям Николая Васильевича Крыленко.

Николай Васильевич никогда не пользовался своим правом на поездку в санатории и дома отдыха. По воскресеньям мы часто становились на лыжи и с компасом в руках без дорог, через леса совершали переходы по 50—60 километров.

Все свободное время, летом и зимой, Крыленко отдавал спорту и не только как любитель и болельщик, а как активный организатор. Николай Васильевич очень много сделал для развития альпинизма и туризма в нашей стране: был одним из организаторов, а затем многие годы общественным председателем общества пролетарского туризма и экскурсий (ОПТЭ), при котором в 1929 году была создана горная секция, объединявшая всех альпинистов страны.

В 1935 году Н. В. Крыленко первому было присвоено высокое звание заслуженного мастера альпинизма.

Вспоминаю, как в 1927 году во главе небольшой группы Николай Васильевич поднимался на восточную вершину Эльбруса. Один за другим оставляли его спутники и уходили вниз. До седловины с Николаем Васильевичем добрался лишь четырнадцатилетний Стах Ганецкий. Специального альпинистского снаряжения тогда не было. Крыленко шел в обыкновенном демисезонном пальто. Стах — в сандалиях, одетых на теплые балкарские носки. К сандалиям были привязаны четырехзубые кошки. На седловине силы оставили мальчика. Он не мог идти дальше. Сел на снег и от досады заплакал. Николай Васильевич весело чертыхнулся:

— Ну, какой из тебя после этого пионер? А еще хочешь стать знаменитым альпинистом. Смотри, ведь вершина совсем рядом.

Николай Васильевич помог Стаху подняться. Взявшись за руки, они достигли цели.

Летом 1929 года Николай Васильевич впервые взял

нас со Стахом на Памир. С тех пор я участвовал еще в двенадцати памирских экспедициях, из них в четырех с Николаем Васильевичем Крыленко. На всю жизнь запомнились мне первые уроки, преподанные им в горах.

Помню, в тот первый раз, в непогоду, по глубокому до пояса снегу, на высоте 5800 метров мы вчетвером (Крыленко, Бархаш, Ганецкий и я) пробивались к седловине Заалайского хребта на Памире. Акклиматизация была плохая — начиналась страшная горная болезнь. Каждый шаг давался с колоссальным трудом, силы оставляли нас, и мы поминутно падали в снег. И каждый раз, закусив губы, Николай Васильевич вставал и продолжал прокладывать след. Мы молча двигались за ним. Достигли седловины, при ураганном ветре с трудом расставили палатку и залезли в спальные мешки. Немного отдышавшись, заговорили о пройденном пути. «Откуда у Вас берутся силы?» — спросили мы у Николая Васильевича. И он ответил:

— Представьте себе, что перед вами залегла белогвардейская цепь. В атаку идут коммунисты и комсомольцы. Преодолеют они этот рубеж — опрокинут врага, не преодолеют — все погибло. Думайте об этом постоянно, и у вас всегда хватит сил, чтобы преодолеть очередной рубеж.

В 1929 году считали, что пик Ленина самый высокий в нашей стране, потому что вершины Коммунизма и Победы были открыты позже.

Наша четверка во главе с Крыленко поднималась на пик Ленина с юга по леднику Саук-Дара. Мы добрались до высоты 5850 м. Ноги в ботинках замерзли, высотной обуви — шекельтонов у нас не было. Пришлось отступить. Но мы гордились и тем, что достигли гребня Заалайского хребта — на двести метров выше Эльбруса, который в то время считался «потолком» для советских альпинистов.

Однако Крыленко на этом не успокоился. Через несколько дней, раздобыв валенки, он предпринял еще одну попытку взять вершину. На последнем участке пути он шел один и был уже недалеко от цели. Но наступила ночь. У Крыленко не было ни палатки, ни спального мешка. Благоразумие пересилило азарт, и он повернул назад.

Но однажды, помню, и Николай Васильевич пустился на риск. Это было через несколько лет после экспедиции на пик Ленина. Мы возвращались из очередного путешествия по Памиру и очень спешили домой. Оставалось еще несколько дней томительного пути вниз, а Крыленко ждали в Москве... И тут местные жители сказали нам, что всего за пять часов можно спуститься к Гарму на бурдюках по горной реке Сурхобу.

Бурдюк — это шкура барана, коровы или быка, снятая особым способом (целиком без разреза) и затем выделанная. Шея и ноги завязываются наглухо, а через четвертую ногу бурдюк надувается. У бурдючного плота нет ни руля, ни киля, он вертится, как мяч, на бурных волнах, и, если не смотреть в оба, его легко может бросить о скалы и разбить вдребезги. Да и сам бурдюк ненадежен: одно отверстие — и он пойдет ко дну со всем грузом.

Николай Васильевич поначалу не соглашался на столь рискованный способ передвижения. Но предложение сократить путь все-таки было очень заманчивым.

И вдруг, как это всегда с ним бывало, Николай Васильевич решил:

— Бурдюки, так бурдюки, решено, завтра отплываем.

Те, кто знает, что такое горные реки, могут представить себе наше путешествие. Мы отплыли в час дня. Первые десять минут никто не шевелился, и все молча смотрели на пенящуюся воду и несущиеся мимо нас берега. Плот вертелся мячом. Едва я повернулся на рюкзаке, Николай Васильевич закричал:

— Не шевелись, управлять мешаешь!

Плот подпрыгивал на волнах, как пробка, и несся со скоростью пятнадцать километров в час.

Река становилась все более быстрой и бурной.

На повороте плот со страшной силой закрутило. Наши рулевые — таджики — из последних сил выгребали в сторону от водоворота. Наконец нас пронесло в полумраке мимо прибрежных скал, и мы выплыли на широкую спокойную воду. Правда, Николай Васильевич обнаружил, что его бумажник с документами и дневники основательно подмокли.

— Бурдючков захотели, — говорил он, смеясь.

И в Москве мы долго вспоминали наши «бурдючки». Будучи очень занят, Крыленко, как правило, распо-

лагал для участия в экспедициях только 30—35 днями. За это время трудно было хорошо акклиматизироваться, привыкнуть к большим высотам Памира. Поэтому иногда при первых восхождениях у Николая Васильевича появлялись признаки горной болезни. Нам не раз приходилось удивляться умению и способности Николая Васильевича не только преодолевать себя, но и вести за собой людей.

Мы, да и многие другие альпинисты, кто побывал в горах с Крыленко, научились у него умению никогда не унывать, постоянно держать себя в руках. Он учил нас товариществу и мужской дружбе, готовности в любую минуту прийти на помощь оказавшемуся в беде, не раздумывая при этом о своей собственной жизни. В одной из бесед с О. Ю. Шмидтом, так же увлекавшимся альпинизмом, Николай Васильевич говорил: «Альпинизм — школа мужества. Нашей Родине нужны мужественные люди».

Николай Васильевич был очень прост в обращении, скромен и непривередлив, как дома, так и особенно в горах. В походе и при восхождениях он вставал всегда раньше всех, не гнушался никакой работой, не позволял никому за собой ухаживать, тащил груз наравне со всеми и страшно ненавидел обжор или, как он их называл, чревоугодников. Во всех походах при любой ситуации последний кусок делился поровну.

Вечерами в палатке Николай Васильевич увлекательно говорил о планах на будущее.

Иногда он читал наизусть Пушкина, Гомера — непременно на греческом. Он очень многое любил и очень много знал. Память у него была великолепная. Иногда Крыленко рассказывал о прошлом. Он вспоминал подполье, трудные и романтические годы. И германский фронт вспоминал, окопы, где лежал по пояс в воде. И о встречах с Лениным рассказывал — о том, как охотился с ним в лесах Подмосковья, как сражался за шахматной доской (Н. К. Крупская, которая была очень строга в оценке людей, писала о Н. В. Крыленко: «Очень хороший человек и прекрасный товарищ»).

Нужно сказать, что в те годы, особенно на Памире и Тянь-Шане, альпинизм имел больше прикладное, чем спортивное значение. Вот что писал Крыленко в 1934 году в одной из своих книг о Памире: «Наткнувшись в экс-

педиции 1928 года на недопустимый факт, что на территории нашей страны и не так уж далеко от населенных пунктов имеются неисследованные пространства, где еще никогда не ступала человеческая нога, я поставил своей задачей ликвидацию этого белого пятна».

Во имя достижения этой трудной и почетной задачи мы из года в год с тяжелыми рюкзаками за плечами переправлялись через горные бурные реки, пробирались по ледникам и хребтам Памира, поднимались на высокие пики. И часто в наших рюкзаках было очень и очень мало продуктов. Вот характерный дневной рацион на четверых: банка мясной тушенки, немного сахара и сухарей. Остальное место в рюкзаке занимали фототеодолит и пластинки для топографической съемки опытного памирского топографа И. Г. Дорофеева. Или камни — геологические образцы для геолога экспедиции Д. И. Щербакова (ныне известного академика). Памирские экспедиции Н. В. Крыленко и Н. П. Горбунова расшифровывали белые пятна Памира.

На моей полке бережно хранятся написанные Н. В. Крыленко книги с его автографами. В одной из них («В неизведанные выси») Николай Васильевич писал: «Я не взошел на пик Ленина, но я показал дорогу другим». И эти его пророческие слова сбылись. На вершине самого популярного в стране семитысячного гиганта за эти годы побывало более четырехсот альпинистов разных республик, городов и национальностей.

Он очень много сделал, и очень о многом мечтал этот удивительный человек, трагически погибший в 1938 году в результате массовых репрессий периода культа личности.

Мне запомнилось одно выступление Крыленко в конце двадцатых годов в до отказа переполненном Колонном зале Дома союзов. «Прокурор Революции» (как его называли газеты) Н. В. Крыленко выступал с речью на процессе. Он говорил несколько часов. В руках у него был только том Ленина, которого он иногда цитировал. Невысокого роста, с умными глазами под высоким лбом, с протянутой рукой, державшей маленький красный томик, — таким остался он навсегда в моей памяти...

...Как хорошо, что горы, которые он так любил, хранят о нем светлую память.

ЛАВИННАЯ НОЧЬ

Тридцать лет минуло с той ночи. Много было в жизни. Но ту ночь не забыть.

Летом 1936 года впервые в истории альпинизма горно-стрелковая часть с полной выкладкой должна была взять семитысячную вершину пика Ленина. В отряд из 153 человек входили связисты, саперы, врачи, кинооператоры. Метеорологическая группа обеспечивала нас прогнозами погоды. Специально сконструированные облегченные радиостанции — новинка в то время — давали возможность с любой высоты поддерживать связь с нижними лагерями и городом Ошем. Приехали мастера альпинизма и инструкторы из Москвы, Ленинграда,

Тбилиси и Ростова-на-Дону. Руководил восхождением заслуженный мастер альпинизма Лев Львович Бархаш.

В начале июля на покрытой скудной травой каменной моренной площадке у подножия пика на высоте 4200 метров мы разбили базовый лагерь. Саперы провели выючную тропу по леднику и сыпучим осыпям до высоты 4900 метров. Двумястами метрами выше устроили первый снежный лагерь на большом, сравнительно ровном, но усеянном трещинами фирновом поле. Отсюда открывался весь путь до гребня Заалайского хребта (7000 метров) и вершины, закованной в броню снега и льда пика Ленина.

Десять дней участники занимались изучением альпинистской техники на скалах, льду, фирне, учились строить снежно-ледяные убежища, когда ветер рвал в клочья поставленные на склоне палатки. Потом лагерь поползли выше, разведка наметила путь к вершине.

Штурм начался в 10 часов утра 17 августа.

В третьем часу под снегопадом мы пришли в лагерь на высоте 6200 метров. Приготовленные здесь заранее пещеры и площадки оказались засыпанными снегом.

— Не нравится мне этот снег, — заметил, работая лопатой, Л. Л. Бархаш. — Здесь лавинами пахнет...

Под вечер люди забрались наконец в палатки и, лежа в спальных мешках, принялись варить пищу.

Лагерь растянулся на полтора метра по крутому склону. Палатки стояли рядом, часто одна над другой — каждая глубоко врыта в снег. От палатки к палатке не доберешься без ледоруба. Склон был так крут и обдут, что брошенная на снег пустая консервная банка моментально скатывалась вниз.

Ночью снег придавил конек нашей палатки, она обледенела и почти лежала на спальнях мешках. Тщетно мы пытались отряхнуть снег с крыши — он прочно намерз.

Утро не принесло облегчения. Весь лагерь засыпало. Мороз двадцать градусов. В тумане не видишь соседнюю палатку, хотя она в каких-нибудь пяти метрах.

Лишь на следующий день стал стихать ветер. Снегопад пошел на убыль, и в просветах между тучами порой мелькало солнце. Нам оставалось пройти до скал около двух километров.

Двигаемся очень медленно. Глубокий, свежий, рых-

дый снег, тяжелое дыхание. Приходится останавливаться после нескольких шагов. Все взоры устремлены на небо: что победит — солнце или туман? Решилось — победила «реакция». С низко опустившихся туч сплошной массой полетел снег. Скалы исчезли. Я почувствовал, что на спине давит какая-то тяжесть. Попросил идущего за мной отряхнуть рюкзак. Товарищ остановился, поскреб рукой, потом ледорубом и заявил: это не снег, а толстый слой льда, стряхнуть его невозможно.

Часа через три, когда отряд свернул к скалам, мне передали по цепи приказ — перейти со своим звеном в голову колонны, идти вперед, протапывая ступеньки. Приходится сначала уминать снег коленями и только потом ставить ногу. Держим направление прямо на скалы, изредка возникающие в сплошном тумане, таком густом, что в нем не виден хвост колонны.

Так прошло минут пятнадцать.

И вдруг... Вокруг засвистело, завывало. Меня осыпало рыхлым снегом, окутало снежной пылью и понесло вниз.

Все это произошло в какую-то долю секунды. Я сразу понял: лавина. Катясь вниз, закричал, но крик потонул в грохоте. Меня то зарывало в снег с головой, то выносило на поверхность. Выныривая, я едва успевал заметить, что качусь вниз вдоль остановившейся и тревожно следившей за моим падением колонны. Снегом забило рот и нос, я начал задыхаться.

К счастью, лавина оказалась небольшой, и, пролетев метров сорок, я остановился. Счастливо отделался! Потерял только меховую варежку. Инструкторы Церетели и Белецкий помогли мне выбраться на след.

Отряд снова двинулся дальше. Но не прошло и нескольких минут, как сверху, в массе несущегося снега, мимо нас промелькнули темные фигуры: несколько человек летело вниз. На мгновение все оцепенели.

— Сколько человек снесло?! — что есть мочи закричал я.

— Пять! — глухо донеслось сверху.

Смотрю вниз. Там, в поднявшемся снежном вихре, копошатся люди.

— Сколько человек вниз принесло?

— Пять! — также глухо раздается внизу.

Значит, пока все в порядке, все целы.

В этот момент появилось солнце, и мы с ужасом увидели, что справа от нас оторвалась от гребня еще одна лавина. Всего в двухстах метрах выше стояли безопасные скалы. Но пришлось повернуть вниз. Задыхаясь, с трудом выбираясь из образованных лавиной конусов, люди начали спуск.

Мы снова в лагере 6200 метров. Все налицо. Решили ночевать здесь в надежде, что завтра погода улучшится и мы сможем возобновить штурм. Вырыли глубокие пещеры, чтобы в них целиком поместить палатки: если даже лавина закупорит входы, на несколько часов воздуха хватит, а за это время можно откопаться.

Снег сыплет, туман не рассеивается, темнеет. Кругом ни души, все забрались в палатки. На снегу только наши с Бархашем еще не открытые рюкзаки. Мы последними залезли в свою пещеру.

Лев Львович предложил не ставить палатки: свою он положит на пол, моей завесим вход. Я отправился за своей палаткой, которая лежала на краю лагеря. С ледорубом в руке довольно быстро добрался до нее. Увы! Провозившись несколько минут, понял: один я не в силах вытащить ее из-под снега. К счастью, помог кинооператор Лозовский.

Потом Лозовский застегнул вход в свое убежище, пожелал мне спокойной ночи, попросил, чтобы завтра я разбудил его перед выходом: здесь на окраине он может проспать. Сложив тяжелую от намерзшего снега и льда палатку, я потащил ее к пещере. Уже почти стемнело, пока, прислонившись спиной к склону, я возился с обледенелыми веревками.

Шелест! Еще! По спине пробежали мурашки. Совсем рядом пронеслось несколько больших лавин! Бросив палатку, вскочил. Оглянулся и — не поверил себе: лагеря уже не существовало! Все пещеры сравнялись со склоном. Метрах в двадцати под нашей пещерой лежал Бархаш, сброшенный лавиной. Еще успел я заметить, что на месте нет и наших рюкзаков, а что-то серое виднеется далеко внизу. Напрягая все силы, я поспешил к тому месту, где была наша пещера. Туда же добрался и Бархаш. Волосы его смерзлись, стояли торчком, он был весь в снегу.

— Скорей в пещеру, Арик! Скорей! — закричал он. — Еще одна лавина, и нас унесет на ледовые сбросы.

— Лев Львович, но пещеры-то нашей нет, ее засыпало!

Бархаш принялся зондировать рыхлый снег ледорубом, наткнулся на что-то твердое. Это лопата. Мы уже собирались откапывать свое убежище, когда я заметил, что никто не появляется из-под снега там, где были пещеры моего звена.

— Львович, их, наверное, накрыл большой пласт. Сами не выберутся.

Было почти темно. Мы начали рыть. Бархаш ледорубом, я — лопатой. Не прошло и трех минут после катастрофы, как рядом с нами из-под снега появились Мизевич, Джапаридзе, Байдалинов. С криком: «Отряд похоронило!» Байдалинов начал отбрасывать снег голыми руками. Мизевич нашел маленькую лавинную лопатку и тоже принялся копать.

Работа пошла быстрее. Я не чувствовал ни мучившей меня после «полета» боли в пояснице, ни усталости... Лопатой прозондировал склон. Лопата наткнулась на что-то и отскочила. Найдены! Еще минута и из-под снега возник конец палатки. Чтобы не возиться с закрытым на все пуговицы входом, ледорубом разорвали полотнище, вытащили людей. Двое чувствовали себя хорошо. Но один еле стоял на ногах, его сильно помяло, он потерял варежки, у него мгновенно замерзли руки и ноги.

Покончив с первой палаткой, мы принялись за раскопки того места, где находились командир отделения Помогайбо и корреспондент «Известий» Волков. К счастью, лавина кое-где легла тонким слоем, и часть засыпанных выбралась и тоже начала откапывать товарищей.

Наибольшая масса снега пришлась на центр лагеря. Инструктор Клименко пробил ногами выход из пещеры, вылез и, орудуя обеденной миской, откопал еще двоих. Я вспомнил о киногруппе. Что там у них, на краю лагеря?

Попросил инструктора Колесникова пойти туда. Не успел он подойти к палатке операторов, как на нее налетела новая, небольшая лавинка и, задев краем Колесникова, протащила его с десятков метров вниз. Выбравшись, он снова добрался до палатки и с большим трудом помог людям выйти.

Мы тем временем отрыли палатку Помогайбо и Волкова. Первым вытащили Волкова: он отделался сильным

испугом. Принялись вытаскивать Помогайбо: он был без сознания, скорчившись лежал на дне палатки.

Наконец все раскопаны, одеваются. А кругом шум новых лавин. Каждую секунду любая может снова обрушиться на лагерь. Остаться здесь нельзя ни минуты. Забрав самое необходимое, мы поспешили вниз. Для сборов имущества нет времени, да и собирать особенно нечего — большинство палаток порвано, засыпано...

Спустились метров на сто. Под ногами что-то серое: мой рюкзак! Только теперь, взвалив его на плечи, я почувствовал тяжесть всего, что нам пришлось пережить за этот день. Ноги подкашиваются. Одежда оледенела, глубокий снег отнимает последние силы.

Оглянулся: в темноте гигантской змеей вытянулась колонна. Я иду первым. На мне ответственность за правильно выбранный путь, а ошибиться в темнотище проще простого, и тогда я рискую спустить в пропасть весь отряд.

Окликаю идущего за моим звеном инструктора Клименко. У него прекрасная память, он хорошо ориентируется в горах. Посовещавшись, продолжаем пробиваться вперед. Каждые пять-десять минут обессиленный падаю в глубокий снег. Клименко терпеливо поджидает, и мы двигаемся дальше. Берем направление к пологой площадке на высоте 5600—5700 метров. Тех, кто совсем ослабел, товарищи тащат под руки.

Через час, окончательно измученные, останавливаемся. Многие валятся на снег.

Теперь вперед колонны вышли другие инструкторы. Попеременно прокладывая путь, двигаемся дальше.

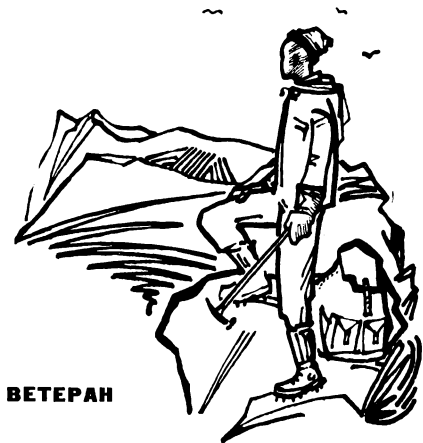
Наконец склон стал более пологим. Вышли на какую-то площадку. Что это за площадка, разобрать трудно. То ли мы прошли лагерь «5800», то ли не дошли до него? Белецкий предложил дальше не продвигаться: можно в темноте завести отряд на сбросы, а здесь сравнительно безопасно. Решили вырыть в снегу ямки. Измученные, обмерзшие, обсыпанные с ног до головы снегом люди забрались в мешки. Но спать нельзя, легко замерзнуть. Инструктор Совва не ложился всю ночь: ходил от одной ямки к другой, расталкивал людей.

В пять часов начало светать. Лагерь «5800» метрах в двухстах над нами. Значит, мы верно выдержали направление спуска. Байдалинов хотел было подняться

в лагерь за оставленным имуществом, но следы лавин и снегопад заставили его отказаться от этой мысли.

Пошли... Лавинная ночь позади. Нас ждет база — горячая еда, забота друзей. Мы опять вместе, на твердой земле, пусть это только камни и покрытая скудной травкой почва.

Мы отступили тогда. Стихия оказалась сильнее.

ВЕТЕРАН

Несколько лет назад Виталий Михайлович Абалаков почувствовал, что стал хуже видеть. Пошел к окулисту. Тот поставил диагноз:

— Близорукость. Возраст... Что же вы хотите — скоро шестьдесят.

И прописал очки.

«В очках лазить по горам, ходить на лыжах, на охоту? Неудобно, право», — решил Абалаков. И взялся за испытанное средство — гимнастику. Да, да, — специальную гимнастику (сам разработал) для глаз. И помогло! Близорукость исчезла. Вот уже шестьдесят, а он и без очков на охоту, в горы, у приборов в своей лаборатории.

— Физиологию надо знать! — смеется Абалаков. — Всю жизнь сам себя лечу и, как видите, здоров. По воскресеньям 60—70 километров на лыжах, летом бег и, конечно, горы...

Нет, физиология — это слишком примитивно. Секрет абалаковской молодости и выносливости, наверно, сложнее...

— Да, пожалуй, главное психология, — соглашается он, — научиться компенсировать свои физические недостатки наблюдательностью, острой реакцией, умом. Могу точно назвать день, когда я начал умирать, — 30 августа 1936 года, до этого я был молод, глуп и самоуверен.

30 августа 1936 года братья Абалаковы, Виталий и Евгений, вместе с тремя друзьями вышли на штурм Хан-Тенгри. Мраморная вершина «Повелителя духов» высилась над Тянь-Шаньскими хребтами, обещая подвиги, приключения и славу восходителям.

Ведь в те годы в советском альпинизме многое было первое. И братья-сибиряки гордились тем, что их имена часто стоят рядом с этим заманчивым словом. Штурм Дых-Тау, траверс Безенгийской стены, на следующий год алтайская Белуха, рекордный по массовости поход — с Абалаковыми во главе — на семитысячный гребень Заалайского хребта, героическое восхождение на пик Ленина, первый зимний подъем на Эльбрус...

И все это за пять лет, что прошли с тех пор, как из старинного деревянного Енисейска братья приехали учиться в Москву. Правда, и тогда уже, новички в альпинизме, они не были новичками в спорте.

Мальчишкой, захватив с собой краюху хлеба, кусок сала, картошку, пару луковиц и котелок, уходил Виталий с братом Евгением на неделю, другую в непроходимую, дремучую тайгу. На лодках и плотах путешествовали по бурным сибирским рекам. Месяцами тайга служила им домом, и не раз на кипучих порогах приходилось смотреть смерти в глаза. Ребята возвращались, сгибаясь под тяжестью больших мешков, набитых кедровыми шишками.

Могучие в два-три обхвата кедры уходят ввысь на добрых полсотни метров. Нередко первые восемь-десять метров от земли — голый, с подтеками густой липкой смолы ствол. Ветки начинаются выше. Но шишек больше всего у макушки и на концах тонких веток. Проби-

раясь по веткам, можно только чутьем угадать, когда хрупкая опора треснет под тяжестью тела. Одно неосторожное движение, и охота за шишками окончится трагическим полетом.

А чудо природы — скалы знаменитых красноярских столбов! Никакой альпинистской техники, на ногах тапочки или галоши, вместо пояса — широкий сатиновый кушак для страховки в трудных местах. Головокружительный маршрут по гладким, отвесным скалам.

Физиология, психология... Вряд ли выросший на берегу Енисея мальчишка имел представление об этих «ученых» словах. Но смысл своей идеи — физические недостатки компенсировать силой интеллекта, воли — он постиг на собственном мальчишеском опыте. Мальчишка, так ловко и смело взбиравшийся на столбы, бродивший по тайге, перед тем как стать таким, долго болел. Прикованный к постели в душной комнате, он глотал книги о путешествиях и приключениях и мечтал обо всем том, к чему путь открыт только здоровым и сильным.

Конечно, к тридцати годам мастер спорта, один из ведущих альпинистов страны, Виталий Абалаков мог самонадеянно считать себя застрахованным от поражений.

На Хан-Тенгри в тот раз собрались быстро и лихо. Неважно, что не достали рации, что испортилась погода, что не успели акклиматизироваться... Раз решили идти — так вперед!

Пока шли вперед, к вершине, все было хорошо. После утомительного, но в общем-то благополучного штурма, Хан-Тенгри был взят. Начали спуск. И тут началось! Поднялась снежная метель. Холод — минус 30. Из пятерых восходителей двое сразу выбыли из строя — обморозились. Братьям Абалаковым пришлось их нести на руках. Виталий и Евгений держались. Держались, пока не показался край ледника Инылчек.

Буря стихла. Опасность миновала. И тут Виталий заметил, что у него самого обморожены руки и ноги...

В Москве, в Боткинской больнице, старик врач, ампутировавший пальцы на обеих руках и на левой ноге, грустно заметил:

— Без костылей, молодой человек, пожалуй, не обойдетесь...

Раны заживали плохо. Вернее, Виталий сам не давал

им зажить. Едва выбрался из больницы, начал тренироваться. Понятно, что швы расходились, кровоточили.

Сейчас он шутит:

— Не было бы счастья, да несчастье помогло. У меня всегда так. На два года попал «в санаторий» — хочешь не хочешь двигаться некуда. В покое все зажило.

По черному навету в 1938 году Абалаков был арестован. Его обвиняли в дружбе с «врагом народа», замечательным человеком Н. В. Крыленко, в том, что помогал составлять карты высокогорного Памира... Почти два года в тюрьме. Но даже в те трудные годы верность друзей выручала многих. Выручила и Виталия Абалакова.

Раны зажили. Он вернулся в строй. Он разработал целую систему тренировки, чтоб сделать свои руки-обрубки цепкими, хваткими, ловкими, как прежде. Остатки фаланг и ладони должны были научиться работать, как прежние крепкие пальцы. Труднее было с ногой.

Костыль, палка? Нет, конечно. Их Абалаков отбросил быстро. Но ступня, ставшая короче на целую треть, составляла сильно хромать.

Почти десять лет учился заново ходить по горам. И не только учился сам. Учил других. Готовил инструкторов альпинизма для армии, учил молодежь в лагерях. И наконец повел группу в первый по-настоящему, трудный поход.

Сейчас те, кто начинал ходить двадцать лет назад в группе Абалакова, стали выдающимися мастерами. Ученики их учеников уже штурмуют вершины. А Абалаков по-прежнему среди первых. «Третье поколение растет», — говорит он. Третье поколение — третья молодость.

Так пришла зрелость: никаких авантур, помнить о Хан-Тенгри, ходить смело не значит идти на авось, точный математический расчет, ни одного необдуманного шага. За двадцать лет в абалаковской команде — ни одного несчастного случая. А были рекорды, не раз были золотые чемпионские медали, завоеванные на новых, его командой проложенных маршрутах.

В самых трудных местах, ведя группу, Абалаков идет впереди. И тот, кто за ним, может быть уверен: если Абалаков поставил ногу, значит, камень надежен, если Абалаков своими култышками уцепился за невидимый выступ, значит, тут можно удержаться.

— Психология! — смеется Виталий Михайлович.

Не один из нас, которому в 1955 году довелось идти за Абалаковым на штурм Музджилги, отлично помнит чувство уверенности, защищенности от опасности, которое испытываешь рядом с сильнейшим.

Вот началась каменистая осыпь. Подъем стал сложнее. Пошли гладкие, ломкие скалы. Анеронд показывает три тысячи семьсот метров высоты.

Шаг Абалакова спокоен, ни одного лишнего жеста. Движения точно рассчитаны, методичны. Стараешься идти за Абалаковым след в след, повторяя их. Время от времени слышится голос:

— Зацепка слева...

В опасных местах до слуха снова долетают тихо, но внятно произнесенные слова:

— На этот камень можно ставить ногу. Я его проверил...

Ненадежные камни Абалаков сбрасывает вниз, чтобы идущие сзади не совершили роковой ошибки, ухватившись за них.

Дальше путь лежит по снегу. Искрящийся на солнце снег слепит глаза. Гудит ветер. В некоторых местах приходится выбивать ногами ступеньки. Абалаков делает это аккуратно, и, ставя ногу на ступеньку, которую он только что покинул, знаешь, что она не подведет. Но в иные минуты испытываешь неприятный холодок на сердце, замечая, как под кем-то пополз вниз по склону рыхлый снег.

Все выше и выше, подъем становится все труднее. А ведь это еще не штурм вершины. Это только разведка. Но Абалаков неутомим; предстоящее наступление на Музджилгу должно быть застраховано от неудач. И он хочет сейчас подняться как можно выше, чтобы забросить продукты в места будущих привалов. Только на высоте пяти тысяч метров он дает команду:

— Пока хватит. Вниз!..

Теперь, казалось, все готово к штурму. Но руководитель наш не спешит: надо дать людям отдохнуть, набраться сил перед последним броском.

И сам предводитель отдыхает. Присел на солнышке. Снял с левой ноги тупоносый ботинок-коротышку (их шьют ему по специальному заказу) и, вооружившись обыкновенным напильником, спокойно «полирует» сплош-

ную мозоль, наросшую на месте бывших пальцев... Кончил «полировать», принялся, ловко орудуя молотком, подбивать на ботинки острые шипы «трикони».

Наконец настает ясное солнечное утро, когда лагерь провожает в поход штурмовую восьмерку. Ее ведет Абалаков. Взятие вершины Музджилги он решил объединить с траверсом всего массива Мазарских высот. Более двадцати шести километров труднейшего пути по гребням высочайших гор предстоит преодолеть смельчакам. Ведь нога альпиниста еще никогда не ступала на эти грозные памирские пики.

Кроме Виталия Михайловича и его жены, неизменной спутницы в походах, заслуженного мастера спорта Валентины Чередовой, идут старые, испытанные друзья: Михаил Ануфриков, Лев Филимонов, Виктор Буслаев и молодые спартаковцы — Фарид Улумбеков, Петр Буданов и Анатолий Сысоев.

Валентина Чередова — единственная в Советском Союзе женщина, имеющая золотую медаль за рекордное альпинистское восхождение. Она не уступит многим альпинистам-мужчинам в выносливости и ловкости.

Абалаков не любит шумных проводов. Он пожимает руки остающимся и, обращаясь к своей восьмерке, тихо говорит:

— Пошли...

По знакомому маршруту отряд сравнительно легко одолел первые несколько сот метров подъема. Но вот начались крутые фирновые склоны с ледяным основанием. Пошли в ход ледорубы, крючья, капроновые веревки.

Когда пропасть преодолена, оглядываешься назад и думаешь:

«И как это удалось перебраться?»

На высоте пяти тысяч шестисот метров альпинистов застигла непогода — самое страшное, что может случиться в горах. Подул сильный штормовой ветер, температура упала до минус двадцати градусов. Густой снег залеплял защитные очки. При восхождении у альпинистов руки заняты, снег не смахнешь.

Абалаков дал команду остановиться, переждать бурю.

Только на третий день улеглась пурга. После снегопада идти стало еще труднее и опаснее. Скалы засыпало

свежим снегом. Чтобы очистить место, куда можно было бы поставить ногу, приходится разгребать снег руками. На гребне снег выше колен, его надо уминать. Местами нависают снежные карнизы: один неосторожный шаг, и карниз рухнет, увлекая в бездну альпинистов. Люди идут связанные попарно капроновой веревкой. Порой гребень настолько узок, что, если один из идущих сорвется, другой, чтобы удержать товарища, должен броситься в противоположную сторону.

При таком переходе особенно трудно ведущему. Впереди, прокладывая маршрут, движется Абалаков. От него зависит безопасность всей восьмерки.

Непрерывно звенит абалаковский ледоруб. Шаг за шагом прокладывает он дорогу. До Музджилги уже не так далеко — всего триста метров по вертикали. Но главное еще впереди.

К ночи снова поднялась пурга. Абалаков нахмурился: как в поговорке — близок локоть, да не укусишь...

Вершина близка, но дальше идти нельзя. Снова разбили на склоне в снегу палатки.

И наступил день, ради которого альпинисты вынесли столько лишений. Небо очистилось от туч, заголубело во всю ширь, ветер утих. Сильно подморозило. Вверх по крутому снежному взлету к вершине потянулись четыре «двойки». В первой двойке — Абалаков и Филимонов.

Встала впереди отвесная скала. Виталий Михайлович сворачивает вправо. Вгоняя ледоруб по самую рукоятку, он ищет в крутизне склона опоры. Вдруг снег под его ногами начинает уползать вниз. Сильный рывок, и альпинист повисает над пропастью на веревке.

— Держу, — кричит Филимонов. — Все в порядке...

В оголившемся льду Абалаков рубит ступени и через несколько минут снова занимает свое место ведущего.

За день тяжелого пути удалось добраться до высоты 6275 метров. Теперь до вершины оставалось только сто метров. Сделали привал, чтобы за ночь набраться сил.

Вершинная башня горы возвышается сорокаметровой гладкой стеной. И нет иного пути, кроме как подняться по ней. И тут самое трудное взял на себя Абалаков. Используя малейшие трещины в стене, при помощи скальных крючьев и веревки он одолел подъем. Три часа длилась борьба человека со скалой. Он пер-

вый увидел необъятную заоблачную ширь Памира с вершины.

По сброшенной вниз веревке один за другим поднялись на вершину и остальные. Вот она, высшая точка Музджилги.

— Снежная кобылица покорена,— произнес Абалаков, и торжество звучало в его обычно шутливом тоне.

«Снежная кобылица» — так зовут на Памире эту вершину...

Нет, не только непреклонная решимость покорила ее. Но и трезвый расчет, и высокая техника.

В 1956 году у нас в стране остался лишь один не покоренный еще человеком самый северный в мире семитысячный пик Победы. В то время, когда Абалаков штурмовал Музджилгу, этот пик сбросил одиннадцать из двенадцати альпинистов, пытавшихся одолеть его. Через год группа Абалакова взяла Победу... Взяла без потерь — все одиннадцать человек поднялись на высоту 7439 метров.

Расчет и техника — вот парадокс! — их выработать помогли руки-култышки и обрубок-нога.

С горами не шутят. Однажды познав это на собственном горьком опыте, Абалаков не устает повторять другим. Бывали ли у него неудачи, отступления? Отступления — конечно! Но можно ли считать их неудачами? Ведь это спорт! Тут побеждает сильнейший. Если в какой-то момент природа оказалась сильнее человека, что позорного отступить, сохранив силы для новой попытки?

— Мы повернули с Чатына назад,— рассказывал он,— и с пика Коммунизма повернули назад. К чему авантюра, ненужный риск? И самых сильных может снести буря. Что заторного в этом признаться!

Среди множества разных почетных наград хранится у него одна грустная. Медаль уникальная, на ней имя Абалакова, слова благодарности. Отец и мать двух очень молодых, нелепо погибших в горах людей, подарили медаль Абалакову, потому что он помог хоть отчасти приглушить их горе...

Юноша и девушка, связанные одной веревкой, сорвались при учебном восхождении на простую кавказскую вершину «Семенов-баши». Два бездыханных тела застряли в расщелине на середине отвесной километровой

стены. Одна за другой отправлялись из ближайших лагерей группы, чтобы снять тела погибших и предать их земле. Но все попытки были тщетны. Днем и ночью по стене со свистом летели камни, подъем грозил новыми жертвами. Прошло лето, поздней осенью было признано, что трупы снять невозможно.

Наступало новое лето. В горах не началось еще интенсивное таяние, ночью частенько бывали заморозки, и смертоносный бешеный полет камней на несколько часов прекращался.

Абалаков с Ануфриковым раскинули палатку под роковой стеной. Почти трое суток, днем и ночью, Абалаков терпеливо изучал стену, запоминал каждую зацепку и каждую трещину, пригодную для крюка. Особенно тщательно изучил он график полета камней.

Наконец среди ночи вместе с Михаилом Ануфриковым он начал подъем по стене. Все предыдущие группы старались траверсировать стену, Абалаков же взял ее «в лоб». Наутро останки погибших были внизу. И вот — медаль.

Иногда друзья — неальпинисты — позволяют себе в присутствии Виталия Михайловича бросить:

— Лазить по горам? Это спорт? Самоубийство!

Только привычное самообладание мешает Абалакову вскипеть. Он отвечает спокойно:

— И улицу перейти надо уметь.

Иногда оппонент не унимается:

— Столько несчастий от этих гор... А если ваш сын пойдет в горы? Пустите?

Можно было бы рассмеяться: Олег Абалаков давно уже мастер спорта по альпинизму! Галя, правда, не альпинистка — горнолыжница. Но как это — не пустить детей в горы? Не пускать вообще-то проще всего. Труднее воспитать так, чтобы быть спокойными за них. Чтобы быть уверенными — на рожон не полезут и в трудную минуту не растеряются.

И не только своих детей воспитать так:

— Если бы я мог передать молодым все, что знаю сам... Если бы молодым хоть немного помог мой опыт...

Эти слова звучат, право же, с неоправданным пессимизмом. Немногие бывалые альпинисты могут похвастаться, что сделали столько для любимого спорта.

Виталий Абалаков не только спортсмен-практик. На

несколько языков переведены его «Основы альпинизма». «Рюкзак Абалакова», «крючья Абалакова» — многие виды альпинистского снаряжения носят его имя.

И за это тоже спасибо Хан-Тенгри. Инженер-технолог стал совершенствовать спортивное снаряжение. Сначала для себя, потом для всех. Уже много лет Абалаков работает старшим научным сотрудником и заведующим кабинетом усовершенствования научной аппаратуры в Центральном научно-исследовательском институте физической культуры. Он работает не только для любимого альпинизма. Благодаря ему создано более шестидесяти приборов для объективного контроля за учебно-тренировочным процессом. До сих пор тренеры больше прикидывали «на глазок» возможности своих подопечных. Ясно, что и легкая атлетика, и лыжи, и борьба теперь настолько сложны и совершенны, что без науки, без точных приборов их тонкостей не постичь. Абалаковские приборы прямо на тренировке рисуют кривые, характеризующие силу удара, интенсивность рывка, способность сохранить боевой настрой. В абалаковской лаборатории встретишь Валерия Брумеля, Павла Колчина, Льва Яшина... Тренер борцов Новиков прямо говорит, что триумфом на Токийской олимпиаде и первенстве мира его команда во многом обязана современной технологии тренировки, контролю приборов. За этой технологией будущее — ведь спорт, поднимаясь к вершинам, становится все сложнее...

Невысокий лобастый человек склонился над лабораторным столом. Он кажется совсем не сильным. Пожалуй, яснее всего силу выражает взгляд глубоко спрятанных глаз — цепкий, твердый, легко загорающийся иронией. Он может ящерицей проползти по абсолютно отвесной гладкой стене. И своими ладонями собрать сложный прибор.

Шестьдесят... Ветеран. Имя, известное во всем спортивном высокоротном мире. Когда в торжественные дни он надевает парадный костюм, на груди горит орден Ленина.

КОГДА ДРОГНУЛА ЗЕМЛЯ

Это случилось на Кавказе летом 1963 года. А когда в Москве мы беседовали с Борисом Романовым и Володи Кавуненко, вспоминая всю цепь событий, это было уже историей. Историей о беззаветной храбрости, мужестве, железной выдержке и дружбе.

— А зачём вы меня спрашиваете? Что сделали мы особенного? — удивляется мастер спорта, коммунист Володя Кавуненко. — Ведь все это произошло в наших горах, где каждый альпинист всегда помнит о своем святом долге спешить на помощь терпящим бедствие и готов жизнью пожертвовать ради спасения товарища. Ведь то, что выбор пал на нас, это случайное стечение об-

стоятельств, могли рядом оказаться другие, и они действовали бы так же.

Но расскажем все по порядку.

Еще весной 38 команд «Буревестника», «Спартака», «Труда» и других спортивных обществ подали заявку на участие в первенстве страны на лучшее восхождение сезона. И когда пришло долгожданное лето, альпинисты двинулись на штурм неприступных пиков. Та команда, которая лучше, красивее, без задержек и травм преодолееет наиболее сложный маршрут, завоюет право называться сильнейшей.

Минувшая зима была на редкость снежной, обстановка в горах осложнилась. Команды тщательно готовились к решающим битвам, совершая пока сложные тренировочные восхождения.

Белоснежные пики обступили жемчужину Западного Кавказа — Домбайскую поляну. С разных сторон врываются сюда пенные потоки, рождая многоводную Кубань. Над всеми вершинами господствует четырехглавый Домбай — Ульген (главный, западный, восточный и южный). Он невысок, немногим более 4000 м, но его порой отвесные, местами заснеженные скальные стены доступны только самым опытным, самым смелым восходителям. К вершине ведут маршруты высшей — пятой категории трудности.

Команда ДСО «Труд» выбрала для штурма стены Восточного Домбая, а спартаковцы собрались на Главный Домбай по южной стене.

На последнее тренировочное восхождение спортсмены «Труда» вышли двумя группами с тем, чтобы тщательно просмотреть предстоящий маршрут.

Основную, более сильную, четверку составили москвичи: мастер спорта врач Борис Романов, один из сильнейших скалолазов страны, покоритель многих вершин Кавказа, Памира и Французских Альп, врач — мастер спорта Владимир Ворожищев, перворазрядник Юрий Кулинич и инженер-перворазрядник Юрий Коротков. Штурм вершины они начали по северной стене.

Вот что рассказывает сам Борис Романов:

— Мы выступили еще затемно. Путь предстоял нелегкий. По этому маршруту до нас прошла только одна группа. Сложные скальные участки местами переходили в отвесные стены. Двигались двойками, тщательно

страхуя друг друга капроновыми веревками: я с Володи́ей Ворожищевым, а Юра Коротков с Юрой Кули́ничем.

Назавтра подошли к наиболее сложному участку пути. Всего каких-то 500 метров по вертикали мы преодолевали целый день. К вечеру 16 июля остановились на ночевку под вершиной Восточного Домбая. Погода испортилась, и, чтобы не попасть под грозовые разряды на гребне, остановились на ночлег.

Нашим приютом на ближайшую ночь стала маленькая скальная площадка метра два с половиной на полтора. С трудом расставили на ней палатку, закрепили ее крючьями. Через палатку пропустили веревку, привязав ее к прочно забитым в скалы крючьям, а затем сами пристегнулись к этой веревке, как к поводку.

В палатке тесно, но уютно. С аппетитом съедена вареная баранина, сыр, гудит примус. Часам к девяти гроза разыгралась, дождь с силой хлестал о тонкие стены нашего жилища. Гремели, отражаясь от окрестных вершин, раскаты грома, непрерывно сверкали молнии. А мы, привыкшие за десяток лет, проведенных в горах, и к обжигающим лучам солнца и к непогоде, допили чай и расстелили спальные мешки, готовясь ко сну.

Вдруг (не знаю, зачем я тогда посмотрел на часы, это было 21 ч. 30 м.) страшной силы удар потряс горы, раскаты грома перешли в сплошной грохот. Нам показалось, что все рухнуло и мы вместе со скалой летим в бездну.

— Нет, это не гроза,— мелькнуло в моем затуманенном сознании.— Тогда что же это? Землетрясение?!

Сразу за толчком, а вернее, одновременно с ним начался камнепад. В общем грохоте не было слышно шума летящих камней, но палатку моментально изрешетило.

После сильного удара в бок я почувствовал острую боль, и здесь же что-то стукнуло по голове, но спасла защитная каска. Сознания я не терял, хотя какие-то моменты вспоминаю теперь довольно смутно.

Не больше минуты неся этот страшный поток камней. Превозмогая боль, я окликнул ребят. Молчание. Мелькнула страшная мысль: погибли все. Но вот глухо отозвался Юра Коротков. У него перебиты ноги, руки, разбита голова, двигаться не может, но пока в сознании.

Лучом карманного фонарика освещаю Юру Кулинича. Пульс не прощупывается, сердце остановилось. Юра был сразу убит большим камнем, который так и остался лежать у него на груди. Володя Ворожищев жив, но от сильного удара в голову без сознания.

Нас троих спасли каски и скала, несколько нависавшая над палаткой. И еще — веревка, которой мы были пристегнуты. Потоком камней выдернуло крючья, перебило веревки, унесло примус, часть продуктов и теплых вещей, а эта веревка чудом уцелела, выдержали и крепившие ее крючья.

Гроза не утихала. Изодранная в клочья палатка не могла защитить нас от дождя и мокрого снега, а мы были полураздеты — ведь готовились ко сну. У меня при резких движениях боль в боку усиливалась, сам себе поставил диагноз — перелом ребер, пробита голова.

Трудно сейчас рассказывать о тех минутах, но сознание работало ясно: надо жить, надо выдержать, надо бороться за жизнь товарищей. Помощь придет обязательно. Лишь бы не было более сильных толчков, тогда нам на «пяточке» не удержаться.

Оказал ребятам возможную медицинскую помощь, кое-как помог одеться в уцелевшие вещи. Видимости не было абсолютно никакой, поэтому давать ночью сигналы бедствия мы не стали.

Страшная это была ночь. Ребята, сдерживая боль, изредка стонали. Особенно тяжело было Юре Короткову. У него оказались переломанными ребра, таз, в двух местах лопатка и ключица и в довершение всего трещина черепа. Я не спал, временами погружаясь в тяжелое полужабытье.

К утру, хотя дождь и не прекращался, появились небольшие разрывы в облаках. Увидев внизу людей, мы дали две красных ракеты. Заметили ли их они? Показавшиеся внизу люди вскоре скрылись из поля зрения.

Продукты у нас остались, но есть не хотелось. От потери крови очень мучила жажда. Я нашел в кармане кусок полиэтиленовой пленки и стал собирать в нее дождевую воду. К утру я тоже не мог уже двигаться. Очевидно, когда я помогал ребятам, одним из четырех сломанных ребер проткнул себе легкое. Поворачиваться мне помогал Володя Ворожищев. У него переломов не было, но от сотрясения мозга сильно болела голова.

Укрыться было нечем, мы промокли и страдали от холода.

К концу второго дня дождь стал стихать, кончилась и вода. У нас оставалась одна полная фляга. За эти два дня подземные толчки несколько раз повторялись, но они были значительно слабее первого, и не вызывали больше камнепадов.

На третий день наконец появилось солнце. Мы обсушились и согрелись. Стало немного веселее, но ненадолго. Чем ярче лучи солнца, тем сильнее жажда, особенно от нее страдал Юра. Решили остаток воды и продукты оставить ему, а нам с Володией отправиться на гребень за снегом.

Два мучительных часа потратили мы на то, чтобы кое-как одеться, но тронуться в путь не смогли, свалились в полном изнеможении.

Мы были уверены, что помощь придет с часу на час, но все же иногда в душу закрадывались сомнения: а вдруг после такого страшного, всесокрушающего камнепада нас считают погибшими? А что, если не приняли сигналы бедствия или землетрясение сделало путь к нам совершенно непроходимым?

Весь день лежим. Юра, стиснув зубы, сдерживает стоны, Володя иногда бредит. Я чувствую временами острую боль в боку. У всех страшная слабость. Жажда делается буквально невыносимой. И с такой же надеждой и нетерпением, с каким мы ждали появления солнца, мы теперь ждем, когда оно наконец скроется за окрестными вершинами.

А когда посерели снежные пики и внизу змейка ледников потеряла свой блеск, мы слышали громкие голоса и увидели четверку ребят, спускавшихся к нам с гребня по крутым скалам. К нам на помощь пришли Вячеслав Онищенко и Вячеслав Романов, Владимир Безлюдный (все из нашей команды) и спартаковец Володи Кавуненко, возглавлявший группу. Из нас только Юра мог громко разговаривать и даже тихо кричать, он предупредил ребят, что мы без воды, и они принесли два полных рюкзака чистого снега.

Весело зашумел примус. Ребята напоили нас горячим чаем, осмотрели переломы и раны, сменили повязки, сделали обезболивающие уколы. Но ни свежие бинты, ни уколы, ни даже горячий сладкий чай не подействова-

ли на нас так, как теплые слова и забота друзей, пришедших к нам на выручку.

Борис замолк, о чем-то задумался. Да, эти 60 часов и минуты до прихода товарищей запомнятся на всю жизнь!

— А вы думаете, мы страху не натерпелись в те дни,— прервал затянувшееся молчание Володя Кавуненко.— 16 июля с утра мы с Володией Вербовым, готовясь к будущему рекордному восхождению, забивали крючья и навешивали веревки на южной стене Главного Домбая на высоте примерно 3000 м. За день устали, легли спать рано. Палатка наша прилепилась к стене под большим скальным карнизом-навесом на маленькой каменной площадке. Мы проснулись от частых раскатов грома. Гроза неистовствовала. Внезапно последовал страшный толчок. Казалось, что нашу палатку разрывает на части. В первую секунду я подумал — атомный взрыв. Ничего более страшного моя фантазия, фантазия человека XX века, не могла нарисовать.

Мы выскочили в одних трусах и буквально остолбенели. Я бросился к стене и тут же отпрянул: она вся пылала в огне. Это беспрерывно летящие камни выбивали искры из скал. Если бы существовал ад, он должен был бы выглядеть именно так.

Вербовой вцепился в палатку, чтобы ее не проглотили разверзшиеся горы. Рядом с палаткой была веревка, закрепленная забитым в скалу крюком. Мы почти инстинктивно пристегнулись к ней. Последовало еще несколько, но более слабых толчков. Карниз надежно защищал нас от смертоносного потока камней.

Настал холодный рассвет. Хотели спускаться, но еще продолжали лететь камни. Что же теперь с нашей спартаковской четверкой? Что с группами «Труда»? Живы ли они? терзали всех тревожные мысли. Может быть, они сейчас ждут нашей помощи? И тут мы увидели двигающихся к нам альпинистов. Наверное, идут нас искать.

Чтобы избавить товарищей от опасности, мы пошли им навстречу. Это оказались ребята из второй команды «Труда» — В. Безлюдный, В. Романов и В. Онищенко — и с ними двое наблюдателей из спартаковской группы — В. Тур и Л. Поляков. Взаимные расспросы длились недолго. Показалось еще двое альпинистов, спускаю-

щихся с Восточного Домбая. Это были спартаковцы Б. Уткин и В. Шатаев. Торопливо рассказали они о том, что сегодня, начав спуск с Восточного Домбая, увидели в тумане красную ракету и слышали слабые крики о помощи. Эти сигналы могла подавать только группа Бориса Романова.

Камнепад не утихал. У ребят не было медикаментов, специального снаряжения, кончились и продукты. Поэтому Уткин и Шатаев пошли к лагерю, чтобы вызвать спасательный отряд, а двое других участников их группы А. Балашов и Н. Родимов решили подойти поближе к площадке, откуда раздавались крики о помощи.

Наступило время аварийной радиосвязи. В 15 часов я услышал тревожный голос радиста контрольно-спасательной службы Домбайского района. Он вызывал наши группы. Я сообщил о принятых сигналах бедствия, о местоположении пострадавших, а также о необходимости срочного выхода спасательного отряда с тросами, носилками, медикаментами и продуктами.

Мы не знали состояния наших товарищей, но было ясно, что пострадавших надо спускать почти километр по отвесным скальным стенам. Для этого нужен большой спасательный отряд с соответствующим снаряжением.

На контрольно-спасательном пункте тех, кто был на стене, считали погибшими. С утра последовал приказ всем альпинистским лагерям и отрядам прекратить восхождения и готовить спасательные отряды к выходу. Во время последней связи я был назначен руководителем спасательных работ, проводимых с юга. Слабые толчки, гроза и камнепады продолжались. Начальник контрольно-спасательного пункта Николай Семенов просил нас без надобности не рисковать и сообщил, что тросы и носилки уже направлены, их должны были поднести к вечеру.

Быстро созрел план: я, Безлюдный, Онищенко и Романов, взяв медикаменты, примус и небольшой запас продуктов, налегке, без палаток и спальных мешков, прокладываем путь к пострадавшим. За нами идет вторая группа с тросами.

После недолгих сборов мы выступили к подножию стены, чтобы там дожидаться подхода спасателей со сна-

ряжением и на рассвете начать подъем. На скалах нижней части стены (по которой наутро должен был начаться наш подъем) показались спартаковцы — Балашов и Родимов. Мы видели, как они забили крюк и приготовили веревку для спуска. И вдруг... Такого я в горах за десять лет еще не видел! Кусок стены — глыба примерно 60 метров длиной откололась от массива и рухнула у ребят прямо из-под ног. Они чудом успели отскочить в сторону. Вскоре они спустились по отвесу на веревках. Но нам предстояло утром искать новый маршрут.

К вечеру подошел отряд из 12 альпинистов. Принесли тросы и немного продуктов. Организовали вторую четверку. В нее вошли трое ленинградцев: мастера спорта электромонтер В. Воробьев (старший), слесарь В. Савин, перворазрядник Э. Петров и московский преподаватель перворазрядник В. Вербовой.

В 2 часа ночи все были на ногах. Наша группа начала штурм.

Нам, четверем мастерам спорта, прошедшим не один сложный маршрут, не приходилось преодолевать такого трудного пути. В альпинизме чаще расстояние измеряют не километрами и метрами, а длиной веревки, равной обычно 40 метрам. Так вот, первые две с половиной веревки, то есть 100 метров, мы шли три часа. По отвесным скальным участкам можно двигаться, только забивая в еле заметные трещины скал крючья, через которые затем пропускают страхующую альпинистов капроновую веревку. Отдохнуть и собраться вместе можно на маленькой площадке — полочке. Так вот, — Володя повышает голос и чеканит фразу, — ничего, ни трещин, ни выступов, ни полочек, ничего этого не стало на стене в том месте, где альпинисты проходили до этого десятки раз. Поток камней и земли забил, зацементировал все трещины. Отовсюду торчали «живые» острые камни. Путь непроходим. Но мы пытались преодолеть этот участок.

Не добившись успеха, спустились к подножию стены и метров на 150 левее снова начали подъем. Очередная лавина камней отбивает и этот наш штурм.

Спустились на бивак. По радио твердят одно: ближе всех к пострадавшим вы, действуйте по своему усмотрению, бессмысленно не рискуйте, но ваша задача

проложить путь к месту катастрофы и начать спуск пострадавших. Из разных районов Кавказа к вам на помощь спешат уже новые отряды спасателей.

И вот в какой уж раз изучаем стену, обдумывая новые и новые варианты подъема. Сквозь разрывы облаков вдруг мелькнули алые сполохи. Это ребята красной курткой подадут сигналы бедствия.

Решаем немедленно подниматься еще никем не ходящим путем по южной стене Главного Домбая, а оттуда вдоль скальных стен пробиваться к Восточному Домбаю. Требовалось подняться на высоту примерно в километр, но если учесть, что накануне мы на 100 метров потратили 3 часа, то комментарии, как говорят, излишни.

Выступили в 2 часа ночи. На нижнем участке стены наша четверка, шедшая налегке, навесила веревочные перила. Вторая четверка, Воробьева, неся катушки с тросом, двигалась за нами по этим перилам. Крутизна многих склонов — 50—60°, встречались и более сложные места. Словом, весь маршрут высшей, 5-Б, категории трудности.

Благополучно пройдя треть пути, мы ушли вперед, вторая четверка с тяжелым грузом отстала. Двигались же мы относительно быстро благодаря тому, что кое-где, рассчитывая на свое мастерство, рисковали.

Примерно около 3 часов дня мы вышли в безопасное место на гребень под вершину Восточного Домбая. Залитые солнцем вечные снега окрестных вершин слепили глаза. Пришлось надеть защитные очки. Я шел первым, внимательно проглядывая серые скалы в поисках той маленькой площадки, где нас так ждали уже третьи сутки. Трое суток — срок немалый! Не опоздала ли наша помощь?

Еще шаг, и я увидел их метрах в сорока подо мной, на крохотной площадке. Потрясенный страшной картиной, несколько минут я не мог говорить. Борис Романов сидел с низко опущенной головой. Тут же лежало покрытое изодранной палаткой тело. Коротков устроился в настолько неестественной позе, что и его я принял за мертвеца. Ворожищева около них не было. На вопрос подошедших сзади ребят я ответил на пальцах — один живой, трое погибших.

Когда спустился на площадку, Борис почему-то сна-

чала протянул мне защитные очки, очки Юры Кулинича. Двигаться и то с большим трудом и на легких участках мог только один Ворожищев. Коротков, Романов даже в городских условиях были трудно транспортабельны. Надо сказать,—смеется сейчас Кавуненко,—что насыщенность медперсоналом на этой площадке была необычайной: из семи человек — четыре врача. И всем им было ясно, что Борису нельзя делать ни одного резкого движения, даже кашлять. Работало только одно легкое. Вот в таком виде предстояло спустить их почти на тысячу метров по кручам и отвесам на стальных тросах.

Ребята с тросами отстали от нас часов на 5—6, и мы заночевали всемером на этой крохотной площадке. Спали неплохо; ведь мы были наконец вместе и в буквальном смысле слова чувствовали локоть друг друга.

Наутро подошли Воробьев, Савин, Петров и Вербовой. Часам к 11 утра был налажен первый спуск длиной примерно метров 250. Для опробования системы первым вниз поплыл с несколькими рюкзаками Вася Савин. Он подготовил площадку для приема пострадавших, и мы стали спускать Бориса Романова. Это была очень сложная операция. Бориса поместили в специальный рюкзак-носилки, который надели на спину Вячеславу Онищенко. Пропущенный через катушки трос постепенно вытравливали, и они спускались вниз. По трассе дежурили несколько человек, которые голосом регулировали скорость подачи троса, давали команду об остановках и т. д. Ворожищева сопровождал Воробьев.

Осталось самое трудное — спуск Короткова. Носилок у нас не было. В рюкзак посадить его тоже нельзя. Пришлось специально «упаковать» и подвесить к тросу, а рядом закрепить Вячеслава Романова. Так ползли они вдвоем вниз по отвесной скале. За целый световой день на 250 метров спустили троих пострадавших и четверых здоровых. Ночевать пришлось порознь на двух площадках. Нижняя оказалась очень маленькой. Борис Романов и Ворожищев спали там сидя, а Короткова положить было негде, и он безропотно провисел всю ночь на тросе, правда, в горизонтальном положении. На верхней площадке на ночь остались я, Вербовой, Безлюдный и Петров.

На следующий день погода установилась. Стало

сильно печь солнце, и снега уже не было. Эрик Петров самоотверженно часами стоял с кружкой и собирал воду, стекавшую по капле с затененной скалы, наверху которой остался маленький снежник. Воду выливали во флягу и давали больным.

К месту нижней ночевки подошли еще два ленинградца — мастер спорта Б. Кораблин и Ю. Беляев. Они поднесли немного продуктов и шины. С помощью их снова перебинтовали Короткова. Борису и Юре сделали обезболивающие уколы. Начали второй спуск...

А там нас уже ожидали новые спасательные отряды с водой, продуктами и носилками. Отряды пришли не только из Домбая: весь Кавказ спешил на помощь попавшим в беду товарищам.

Самое трудное было позади. Весь путь от площадки, где разыгралась трагедия, до шоссе занял шесть суток, а еще через день ТУ-104 из Минеральных Вод доставил ребят в московскую клинику.

Вот, собственно, и все,— заканчивает свой рассказ Володя Кавуненко.— Много раз спасал я людей в горах, но в такую переделку попал впервые. Сейчас вот Борис Романов уже здоров, Володя Ворожищев тоже начал тренировку, а Юра Коротков недавно выписался из больницы. Все случившееся теперь кажется не таким уж страшным.

Мы просим Бориса Романова добавить что-нибудь к рассказу Володи Кавуненко.

— Что сказать? Мало приятного беспомощно висеть над бездной на стальном тросике толщиной в 5 миллиметров, раскачиваться по ветру во все стороны и ждать, когда тебя сверху трахнет камнем. А такой случай со мной был. С промежуточного пункта ребята кричат: «Камень! Камень!» Спасатели укрылись под носилками, а я надеюсь только на каску. Нагнул голову, локти выставил и жду. По локтям немного стукнуло, а каска выдержала.

А сейчас мы снова готовимся к летнему сезону, и, может быть, опять придется встретиться нам с Володией Кавуненко на параллельных маршрутах и бороться за золотые медали чемпионов по альпинизму, но дружбе нашей это отнюдь не помешает. Эти незабываемые дни сблизили нас на всю жизнь.

...Вот что случилось в горах июльскими днями

1963 года. Только шесть суток, а сколько беззаветной храбрости, мужества и железной выдержки проявили советские спортсмены.

Мы обратились за консультацией в Институт физики земли. Научный сотрудник института сообщил нам, что землетрясение на Кавказе 6 июля 1963 года достигло невиданной силы — восемь баллов. Подобного землетрясения в этом районе еще не наблюдалось.

ДВОЕ ИДУТ СКВОЗЬ БУРЮ

Зеленая поляна и теплое солнце... Скинута́ рюкзак, растянуться на траве, почувствовать ласковые лучи на коже, огрубевшей от ледниковых ветров...

Не удивительно, что они грезили этим после почти полутора месяцев пребывания в экспедиции. Альпинисты поднялись к шеститысячному пику Максима Горького. Девять дней длился подъем, в ста метрах от вершины застигла метель, пришлось повернуть назад. Потом — то по изрытому трещинами леднику, то по раскисшему снегу — пошли к пику Шатер в глубокую разведку. Сложный маршрут, бессонные ночи, когда приходилось расчищать от снега палатки, утомили всех. Теперь домой!

Об этом мечтал и руководитель группы Витольд Цверкунов. Кажется, впервые он, в свои тридцать лет преодолевший немало горных круч, не чувствовал удовлетворения от похода: вершины не достигли, а главное — группа оказалась недружной.

Витольд думал о том, что скоро походные заботы будут позади, он вернется в Москву, сменит штурмовку на китель с молоточками и его встретит привычная суматоха столичного вокзала.

Вечером 20 августа палатки альпинистов наконец встали у края ледника. Вот он, долгожданный отдых!

И вдруг... По радио сверху, с ледника Звездочка, раздался сигнал бедствия: отряд ленинградских туристов попал в снежную лавину.

Где бы ты ни был — по тревожному сигналу спешить на помощь: таков закон гор. Не теряя времени, в ту ночь Витольд стал готовить группу спасателей: прежде всего надо было решить, кто пойдет. Отобрал сохранивших силы. Первым вызвался идти на помощь Алексей Вододохов — преподаватель физкультуры из Алма-Аты, имевший второй разряд по альпинизму. За ним Борис Карасев — без врача не обойтись даже небольшой группе. В маленький отряд вошел также мастер спорта Умар Урузбаев — самый выносливый из всех. Он к тому же лучше других знал этот район Тянь-Шаня, не раз бывал здесь раньше.

И снова утомительный путь... Подъемы и спуски с тяжелыми горбами рюкзаков за плечами меж камней морен...

На следующий день Витольд Цверкунов и его спутники достигли базового лагеря. Здесь ждало их новое известие: ленинградцы уже в безопасности. Но почти тремя тысячами метров выше, на северном склоне пика Победы, опять случилась большая беда. Альпинистов ташкентской экспедиции, штурмовавших коварный пик, застигла жестокая непогода. Несколько человек серьезно обморозились. Они пытаются спуститься, но метель продолжает бушевать, а сил уже нет, продукты и бензин для примусов на исходе, словом, людям грозит гибель.

Из базового лагеря был хорошо виден гребень, по которому лежал путь к самому северному в мире семитысячнику, возвышающемуся над гигантской ледяной стеной, тому самому грозному пику, который долго от-

бывал все атаки и погубил почти столько же восходителей, скольким позволил взойти на свою высшую точку. Витольд различал на склоне снежные смерчи.

— Чего нам туда лезть, — услышал он голос Умара Урузбаева, — только так, для виду, посуетимся...

— Что ты имеешь в виду, Умар? — обернулся Витольд.

Умар пояснил:

— Пока мы соберемся да поднимемся, глядишь, пострадавшие и сами выберутся или кто-нибудь другой им поможет — ведь на спасение уже вышли.

Может быть, никто и не обвинил бы Цверкунова в малодушии, согласись он с Умаром: действительно, они утомлены, у них нет снаряжения, необходимого для такого подъема, а без специальной высотной палатки и теплых рукавиц не полезешь на ледяную стену!

Витольд слышал, как у него за спиной Умар бросил:

— Ему бы только поездами, а не людьми командовать!

...И опять за плечами горбы рюкзаков. Опять ветер бросает в лицо острые ледяные крупинки. Слева — отвесная скала, справа — пропасть. Но пропасти не видно: чем выше — тем гуще туман и злее ветер.

Наутро встретили небольшой отряд, он специально выходил на помощь. Но метель наверху оказалась такой свирепой, что, не одолев ледяного карниза, за которым ждали люди, отряд повернул назад.

Теперь наверх к пику пробивалась только маленькая группа Цверкунова. Больше надеяться было не на кого.

Выше, выше. Взглянешь вверх — пробирает дрожь. А ветер гудит на разные голоса, словно в гигантской трубе.

Наконец альпинисты достигли бергшрунда — горной трещины. В ней с большим трудом удалось расчистить ледорубом небольшую площадку и поставить палатку. Высота 5600 метров.

К полудню в лагерь неожиданно пришло подкрепление: отряд из семи опытных грузинских альпинистов. «Ну вот, стало легче», — подумал Цверкунов. Он договорился с мастером спорта С. Давладзе, что утром трое из его группы вместе с ними совершат решающий переход.

А тем временем тысячей метров выше ураган разбушевался с еще большей силой. Людям, находившимся там, одиночество и затерянность казались безысходными. Тоненькая прерывистая ниточка — радио — единст-

венное, что связывало их с землей, где была жизнь... Кончились продукты. Отсырели последние спички. На холоде и ветру больным с каждым часом становилось хуже. Днем на руках товарищей скончался один из спортсменов — Н. Ананьев. Его похоронили рядом с палаткой. Ночью, когда альпинисты старались хоть как-нибудь согреться под тонким брезентом, в палатке умер второй — М. Добрынин. Так прошла кошмарная ночь...

Утром Витольда разбудила ледяная шрапнель, обстреливавшая палатку.

— Что я — сумасшедший! — пожал плечами Борис и не рискнул даже носа высунуть наружу.

Умар Урузбаев вышел, послушал рев урагана и заявил, что болен.

— Да ты здоров, как бык, — не выдержал Алексей Водоходов. — Надо идти немедленно. Там люди гибнут.

Витольд понимал это. Но он понимал также, что идти дальше в такой ураган, когда в трех шагах уже ничего не видно, было безумием.

— Подождем до завтра, — решил он.

Днем его вызвало радио. Из лагеря сообщали, что люди наверху потеряли надежду. Это заставило их решиться на отчаянный шаг: они двинулись вниз, бросив палатки, спальные мешки, рюкзаки, неся на руках умирающего товарища, поддерживая слабых.

«Там твой друг, Николай Луцык, — донеслось до Витольда. — Он сказал: «Я знаю, Цверкунов дойдет!» Слышишь, Витольд?»

— Да. Мы сделаем все, что можем.

— Бессмысленно, — спокойно заметил Борис и добавил: — Мы с Умаром уходим вниз.

Стараясь сдерживаться, Витольд ответил:

— Спуск запрещая. Вы можете погибнуть. К тому же ты, Борис, врач и будешь нужен.

— Кому? — усмехнулся Карасев. — Ты уверен, что им еще нужен врач?

Цверкунов с трудом преодолел несколько метров до палатки соседей:

— Вы готовы?

Давладзе смущенно опустил голову:

— У нас спальные мешки сырые, продуктов нет, люди устали, ведь мы пять суток ленинградцев спасали, да и погода, сам видишь...

Спустилась ночь. Витольд разжег примус. Растопил лед. Вскипятил чай с остатками сахара, налил его во фляжку и завернул ее в спальный мешок. Это для тех, кто наверху: на большой высоте обычно мучает жажда. Пусть каждому достанется хоть по глотку. Потом собрал все оставшиеся скудные припасы, бензин и лекарства.

Теперь все было готово, и осталось самое трудное: взять на себя ответственность за жизнь товарища, готового разделить с ним путь.

Но, может быть, Водоходов только бравирует, зная, что Карасев и Урузбаев не двинутся дальше. Идти вдвоем, одной связкой, в такой ураган нелепо. Может, в душе Алексей будет рад, если эта безумная затея не состоится?

— Леша, ведь ты никогда не бывал в таких местах... Ты не знаешь, как это тяжело! У тебя только второй разряд, а тут и мастерам спорта не под силу.

— Мастерам? Вон Умар — мастер! Нет, Витольд, разрядной таблицей всего не измеришь...

Потом они сидели молча в палатке, придавленной снегом. Витольд знал: Алексей не простит ему, если с рассветом они не выйдут. Он такой: душа его открыта людям, он не может не поделиться последним, не броситься на помощь, как не может не двигаться, не дышать! А дышал Алексей хрипло, то и дело надрывно кашлял.

Но как же эти, другие, безучастно лежащие рядом в спальных мешках? Припомнилось все, что узнал о них за полтора месяца, проведенные бок о бок.

...Еще в Алма-Ате, когда формировалась группа, друзья предупреждали: «Не бери Урузбаева, это человек без друзей».

В походе при первых же трудностях настроение Умара стало портиться. Он спорил по пустякам, ссорился с ребятами. И теперь, пока шли сюда, всю дорогу Умар твердил, что они зря тратят силы, «никому не нужно это геройство».

Зачем такому, как Умар, вообще ходить в горы, для чего ему альпинизм? Говорят, горы воспитывают мужество, чувство товарищества. Витольд знал, что это так. С тем же Николаем Луцыком, который так верит в него, Витольд три года назад ходил в одной связке. Каждый знал: оступишься, товарищ не подведет, скорее сам сорвется в пропасть, чем бросит в беде. Не таков Умар.

Он пошел в спасатели только потому, что боялся потерять свое мастерское звание. Оно для него — дороже чести. Отними у Урузбаева серебряный значок, кем он станет?

А Борис Карасев? Врач. Самая гуманная профессия на земле. Когда шли на пик Горького, Борису поручили вести одну из лошадей с вьюком. На крутом склоне лошадь упала. Он не развьючил ее, не поднял. Прилег на солнышке и спал часа два, пока не подошли ребята.

— Да ведь ты чуть не погубил лошадей! Смотри, она едва дышит!

— Ну и черт с ней! Я вам не коногон!..

Но что влекло Карасева в горы? Конечно, очень приятно, когда на стадионе перед тысячами зрителей тебя в числе лучших спортсменов республики вызывают к подъему флага. Стяжать славу покорителя гор — почетно. Но горы одним честолюбивым стремлениям не покоряются.

С рассветом погода не прояснилась.

— Что ж ты надумал? — настороженно спросил Алексей.

— Надевай рюкзак.

Витольд заметил, как в глазах друга мелькнула радость. Скоро они ушли в пургу.

Витольд шел первым — по грудь в снегу, пробивая путь. Он двигался почти на ощупь в сплошной пелене метели. Наверное, так чувствовал бы себя человек, оказавшийся с завязанными глазами где-нибудь на стропилах лесов высотного здания, зная, что каждый неверный шаг может стать последним.

Вместо обеда съели по горстке сухарной пыли, а в качестве «допинга» — по таблетке пирамидона и двинулись дальше. Остатки продуктов берегли для товарищей, попавших в беду.

Под вечер Витольд и Алексей достигли нависшего над гребнем ледяного карниза. Высота 6000 метров. За карнизом должны были находиться товарищи.

Так обычно развивается сюжет в приключенческих фильмах: все грознее опасность, а помощь приближается слишком медленно; все напряженнее ожидание и наконец в самый последний момент... В жизни нередко бывает трагичнее.

...Метель только что занесла могилу своей третьей жертвы — Солдатова. От группы отделились двое и

ушли вперед пробивать тропу. Метрах в пятидесяти с оглушительным треском рухнул край ледяного карниза — они едва успели отскочить. Прошли еще немного — и поняли, что заблудились. Стали кричать...

Сквозь ураган и грохот лавин прорвался слабый человеческий крик. Алексей и Витольд замерли. Может, послышалось? Нет! Далекий приглушенный голос снова донесся до них. Теперь они тоже закричали, что было сил.

Темный силуэт показался в кружении снега, за ним второй.

Через несколько минут Николай Луцык, вытирая слезы, замерзающие на черных от копоти, ввалившихся щеках, твердил шести своим товарищам:

— Вот он, Цверкунов. Я говорил: он дойдет.

Отчаяние сменилось уверенностью. И хотя ничуть не утихла метель и по-прежнему круты были ледяные стены, у альпинистов словно прибавилось сил. По веревкам-перилам, натянутым Витольдом и Алексеем, начали спуск. А снизу навстречу уже спешили на помощь вызванные Цверкуновым по радио те, что отсиживались неподалеку, пережидая непогоду: мужество двоих положило им путь.

По ночам, когда товарищи спали, Витольд зажигал свечу и доставал из рюкзака тетрадь в потрепанной матерчатой обложке — дневник, написанный рукой, порой от холода с трудом державшей карандаш. Сначала это были лаконичные, как железнодорожное расписание, записи о маршруте, о погоде, о рационе питания. А на пути к пику Победы, когда — теперь уже можно сознаться — мелькала порой мысль о ледяной могиле, записи стали подробнее, как если бы дневнику суждено было стать единственным свидетелем того, что произошло с ними. В неровных строчках по-прежнему не найдешь ни слова слабости. И лишь на последней странице, помеченной 9 сентября, чуть-чуть о себе:

«...Мой номер в пржевальской гостинице выходит окнами в сад. Дверь балкона все время открыта, и ночью чудесно пахнет мокрыми тополями. Идет дождь, и ветер шелестит в шпалерах серебристых деревьев, обнимающих улицы. Понемногу «пробую лето» — яблоки, дыню, арбуз: прекрасные есть на свете вещи! Сейчас я чувствую, что очень устал... Завтра маленький АН-2 унесет меня далеко отсюда».

ТАЙНА ПЕЩЕРЫ МАТА-ТАШ

«Двенадцать дней едешь по той равнине, называется она Памиром; и во все время нет ни жилья, ни травы; еду нужно нести с собою. Птиц тут нет оттого, что высоко и холодно. От великого холоду и огонь не так светел, и не того цвета, как в других местах, и птица не так хорошо варится...»

Так почти семьсот лет назад рассказывал о Памире знаменитый венецианский путешественник Марко Поло. Памир был тогда краем легенд.

Древние караванные пути вели через перевалы в Китай, Афганистан, Индию. Месяцами двигались по горным тропам над кручами огромные караваны верблю-

дов, проходя в день тридцать, а иной раз лишь двадцать километров. Теперь днем и ночью сотни машин взбираются по отлично разработанным серпантинам на перевалы самого высокого в стране автомобильного тракта, соединяющего областной центр, город Ош, с центром Горнобадахшанской автономной области — городом Хорогом. До Хорога добираются за два дня...

Но и сейчас путнику, впервые попавшему в долину Маркан-Су на высоту 4000 метров, делается не по себе. Мертвая серая пустыня; ни травинки, камень, щебень, песок... Резкий ветер день и ночь гуляет по долине, поднимая тучи едкой пыли. А если ветер переходит в ураган, то уже не пыль, а щебень и мелкие камни несутся по долине. И тогда не только вьючным животным, но и автомашинам угрожает опасность.

Советский Памир стал обжитым. Но ученых и путешественников он и сегодня манит старинными преданиями и легендами. Вот например...

На Памире, в окрестностях озера Ранг-Куль, к востоку от среднего течения реки Ак-Байтал, притока реки Мургаб, есть множество пещер. Пещеры эти — результат работы ветров, воды, а иногда и древних строителей. И обычно чем недоступнее пещера, тем фантастичнее связанная с ней легенда.

В «Туркестанских ведомостях» № 92 за 1898 год (эта газета выходила в Ташкенте с 1870 года по понедельникам и четвергам) можно прочесть удивительную легенду о пещере, расположенной над озером Ранг-Куль в северной стене горы Калак-Таш.

«Лет двести-триста тому назад зимой в Ранг-Кульской котловине появились многочисленные китайские войска. Найдя хорошее пастбище по берегам Ранг-Куля, они решили здесь зимовать и разбили лагерь на берегу озера, у подножия отвесной стены горы Калак-Таш. Однако вскоре выпал такой глубокий снег, что лошади не могли добывать себе корма из-под снега и начался их падеж. К тому же стали истощаться и продовольственные запасы. Войска начали роптать и бунтовать. Тогда более хитрые союзники китайцев выбрали лучших лошадей и ночью бежали из лагеря, а чтобы избежать погони, перерезали жилы ног оставшихся лошадей, которые к утру все пали. Китайские войска остались в совершенно беспомощном положении, наполовину занесенные снегом и

лишенные возможности куда бы то ни было двигаться.

Видя неизбежную гибель, китайцы решили спасти хоть казну и богатства. Выбирая для склада ценностей место, они остановились на пещере, находящейся в метрах двухстах в стене над их лагерем, которое казалось им вполне надежным хранилищем. Оставалось найти способ добраться до пещеры. Для этого они режут на куски трупы лошадей и прикладывают их к отвесу скалы. Куски крепко примерзают к граниту, и получается лестница, по которой китайцы достигли пещеры и сложили в нее все свои богатства, а сами поселились в другой пещере на южной стороне кряжа, но вскоре от голода и холода все погибли. С наступлением весны куски оттаяли и упали, и пещера снова сделалась недоступной, сберегая по сей день вверенные ей сокровища.

Много раз киргизы пытались добраться до пещеры, но безрезультатно, и пришли к заключению, что в ней живет шайтан (черт), охраняя сложенные там сокровища. Лет сто пятьдесят тому назад один богатый киргиз, воспользовавшись суровой зимой, тоже вздумал сделать лестницу из туш животных. Для этого он перерезал весь свой скот и добрался до пещеры, но как только взглянул в нее, услышал страшные звуки, которых так испугался, что упал и разбился.

Лет тридцать-сорок тому назад один таджик, цепляясь за незначительные неровности скалы, пополз к пещере и на половине пути увидел сложенные яктаны, сундуки и разные тюки, а между ними сидел страшный черный зверь, которого таджик так испугался, что упал и сломал себе ребра.

После этого уже никто не отваживался посягать на эти сокровища, а они время от времени дают о себе знать. Так, примерно лет двадцать тому назад ветром выдуло из этой пещеры парчовый халат, а сравнительно недавно оттуда выпало небольшое серебряное ведро, которое нашедший его киргиз продал в Кашгаре за 80 рублей.

Киргизы уверены в существовании богатств в этой пещере и, проезжая по дороге, где она расположена, с завистью посматривают на виднеющееся отверстие. В пещеру же, в которой, по словам киргизов, погибли китайцы, можно добраться за день без особого риска. Однажды, взяв сало для светильников, несколько киргизов

полезли к этой пещере в надежде найти проход, соединяющий обе пещеры, и добраться до сокровищ. Достигнув пещеры, они нашли массу золы и груды человеческих костей, затем они двинулись по узкому и длинному коридору, где было множество больших летучих мышей, часто задувавших светильники. Шли они этим коридором три дня и наткнулись на громадных размеров человеческий череп. Этого черепа они так испугались, что дальше идти не посмели, и сала у них осталось немного, поэтому они поспешили вернуться обратно. Были еще попытки пробраться к пещере этим коридором, но ни одна из них не увенчалась успехом, так как одни возвращались, увидя на полдороге какого-то сидящего человека, а другие страшного черного зверя и т. п. Все это убедило киргизов, что клад, конечно, существует и крепко охраняется шайтаном».

Старая газета стала достоянием альпинистов. Она раздражила воображение. В 1949 году одесский инженер А. В. Блещунов попытался снизу проникнуть в пещеру. Но, хотя он забивал крючья и применял самую современную альпинистскую технику, достичь цели ему не удалось. Правда, в другой — Ранг-Кульской пещере, расположенной в глубине ущелья, километрах в четырех от «пещеры сокровищ», Блещунову посчастливилось найти кое-что интересное. Он раскопал бронзового жука-скорбея, железный браслет в виде змеи с двумя головами и два куска ткани, богато расшитой шелком.

Эти находки еще больше распалили любопытство. В июле 1951 года группа альпинистов Туркестанского военного округа предприняла попытку штурмовать пещеру сверху и снизу. Одна группа после сложного скального восхождения поднялась с юга на вершину Калак-Таш и с трудом организовала там ночевку. Утром альпинисты решили сбросить вниз 300-метровую веревку, по которой намеревались спуститься в пещеру. Снизу им подавали команду по радио. Но ничего не получилось: канат, не размотавшись, застревал между камней.

А самое главное, альпинистам пришлось еще вести бой с целой стаей громадных белоголовых грифов, которые с высоты пикировали на людей, не обращая внимания на пистолетную стрельбу. Ничего не добившись, путешественники спустились вниз.

Возможно, что киргиз, о котором рассказывает ле-

генда, поднявшись 150 лет тому назад в пещеру и со страху сорвавшийся оттуда, испугался именно грифов, которые выводили там птенцов и смело защищали свои гнезда.

В июле 1957 года к озеру Ранг-Куль прибыла небольшая экспедиция, организованная московским филиалом Географического общества СССР под руководством академика И. Е. Тамма. Его помощником была опытная альпинистка, дважды кандидат наук, заслуженный мастер спорта Е. А. Казакова.

Перед тем как начать штурм, альпинисты тщательно изучили в бинокли все подступы к пещере. Вход в нее был как бы вдавлен в стену и нижняя половина его заложена «каменной кладкой» и присыпана снегом. По первому впечатлению казалось, что эта кладка сделана руками человека. Может быть, чтобы замуровать доступ к сокровищам? Но в сильный бинокль альпинисты разглядели, что «кладка» образовалась в результате естественного разрушения горной породы, а белый налет наверху — это не снег, а, вероятнее всего, многолетний слой помета грифов.

Сначала группа предприняла попытку подняться к пещере снизу. Забив много скальных крючьев, альпинисты добрались до небольшого «кармана» в стене, находящегося метров на 20—25 ниже «кладки». Но оставшийся двадцатиметровый участок стены оказался монолитом без единой трещины для крюка... Дальше пути не было.

После этого решили спуститься в пещеру с гребня вершины.

Обосновавшись на маленькой скальной площадке, обнаруженной над отвесной стеной метрах в 180 выше входа в пещеру, альпинисты на специальном тросе стали спускаться к входу. В ожидании налета пресловутых грифов кладкоискатели надели на головы пожарные каски, прихватили с собой и ружье и лопату — ведь никто не сомневался, что придется раскапывать сокровища...

Вначале верхняя группа соединялась с нижней по телефону, а потом кабель запутался, его пришлось перерубить и продолжать спуск, пользуясь «голосовой связью». У спускавшегося первым Шляпцева на капроновом шнуре была специальная «кошка», которую он, оказавшись на уровне входа в пещеру, должен был за-

бросить и, зацепившись за выступ или трещину, притянуться к стене. Но над входом в пещеру этого сделать не удалось: вход был сильно вдавлен в стену, и смельчаки оказались в нескольких метрах от заветной цели.

Тогда Шляпцев решил спускаться до «каменной кладки», находящейся непосредственно под входом в пещеру. Поравнявшись с «кладкой», Шляпцеву и его другу Ивкину удалось встать на нее, притянув себя к стене с помощью «кошки».

Теперь, чтобы попасть в пещеру, надо было преодолеть десятиметровую стенку «кладки», которая казалась на вид очень непрочной. Шляпцев и Ивкин попытались подняться по стене рядом с «кладкой». Но и это оказалось невозможным — не было зацепок для рук и ног и трещин для забивки крючьев. Очередная попытка овладеть «пещерой сокровищ» опять не удалась...

Немного утешило участников экспедиции то, что они побывали в Ранг-Кульской пещере, где в 1949 году нашел бронзового жука Блещунов. Недалеко от входа И. Е. Тамм обнаружил под толстым слоем помета летучих мышей оселок для точки ножей, амулет и пряжку от седла.

В Москве археологи установили большую ценность находок академика. Оселок относится к IV—V вв. до н. э. (ранняя сардская культура), а пряжка к I—II вв. до н. э.

После неудачи группы академика Тамма альпинисты и неальпинисты продолжали ломать голову над тем, как действовать дальше. Выдвигались идеи применить для штурма вертолет, воздушный шар, катапульту, гарпунную пушку. Некоторые предлагали проложить путь к сокровищам всесильным аммоналом... Но воспользоваться всеми этими дорогостоящими способами не пришлось.

В 1958 году тайна пещеры Мата-Таш была разгадана советскими альпинистами под руководством мастеров спорта А. Громова и В. Старицкого.

Девять мастеров спорта и перворазрядников — работники ленинградских вузов и научно-исследовательских институтов, приехали на Памир в начале апреля. Было тепло — около нуля. В подготовке участвовали все, а в пещеру забрался один — мастер спорта Валентин Якушкин.

Он преодолел десять метров «каменной кладки»,

действительно очень рыхлой и сыпучей породы, готовой каждую секунду рухнуть. Но благодаря тому, что Валентина надежно страховали снизу и сверху, он смело двигался вперед. «Кладка» оказалась естественного происхождения — результат работы ветра и воды, а не человеческих рук. Над Валентином все время кружили хищные грифы, но и они не помешали ему достигнуть цели.

Наконец Валентин в пещере. Глубиной она метра в два, высотой — в полтора, а в ширину тянется метров на двадцать.

Увы, в пещере, кроме орлиного яйца и многовековой давности орлиного помета, ничего не нашлось. Никаких следов пребывания людей. Пол — массивная скала, все попытки произвести раскопки были безуспешны.

Зато теперь из долины хорошо виден красный флаг, оставленный альпинистами у входа в неприступную «пещеру сокровищ»...

ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦА

Бескрайние фирновые поля. Готовые в любой момент рухнуть снежные карнизы прилепились к острым гребням. Под лучами солнца холодно блестят ледяные отвесы, расчерченные следами все сметающих на своем пути грозных лавин. Ниже серые отвесные скалы, а еще ниже — зажатые в ущельях ледники. Ледники громоздятся вздыбленными иглами, хрупкими белыми башнями. Внизу они рождают сотни бурных пенных потоков. Реки с грохотом мчат свои воды в долины. Горе путнику, попавшему в этот водоворот.

А над всем этим первозданным хаосом врезаются в бездонную высь вершины. Там гуляют ураганные вет-

ры. Даже орел не решается подняться на эти высоты — там все мертво...

Какой великолепный живописный материал для художника! Но разве затащишь наверх мольберт? Да застынут на морозе краски, онемеют руки...

Нарастающий гул трибун подбадривает бегуна перед ленточкой финиша. Гром аплодисментов награждает вратаря, взявшего трудный мяч. Альпинисты ведут бой, отрезанные от всех непроходимыми кручами, и никто не видит их отчаянной схватки с природой. Скупыми словами, краткими записями и застывшей фотографией не передашь того, что было в решающие дни и часы штурма, когда каждый шаг мог оказаться последним. И пожалуй, только кинообъектив в состоянии правдиво рассказать о героических буднях покорителей вершин, да и то сделать это может лишь кинооператор с душой альпиниста, одинаково хорошо владеющий как ледорубом, так и кинокамерой.

В 1936 году седовласый Шат — Эльбрус штурмовали многие. На вершинах великана былолюдно, почти каждый день туда вступали новые отряды победителей. Заводских девчат и ребят, гордо именовавших себя участниками Первой альпиниады 3-го авторемонтного завода, вел бывалый спортсмен — обгорелый белокрысы паренек, шлифовальщик Михаил Ануфриков.

Велосипед, лыжи, стрельба, в которой он уже достиг звания мастера спорта, и многие другие виды спорта увлекали Ануфрикова. Но альпинизму отдал он свое сердце.

Уже несколько лет Миша не расставался с фотоаппаратом, его снимки появлялись в заводской многотиражке. И тут, на Эльбрусе, Миша старался поймать как можно больше кадров. Это были его первые альпинистские фотографии.

Путь фоторепортера и альпиниста прервала война. Альпинист-лейтенант Ануфриков сражался в горах Кавказа.

Отгремели бои. В клубе советских войск шел новый фильм «День победившей страны». Вдруг кто-то воскликнул: «Товарищи, да ведь это брат мой Мишка, живой». Вот уже почти пять лет, как сержант Иван Ануфриков, служивший после войны в советских войсках в Германии, ничего не знал о судьбе своего бра-

та Михаила, говорили даже, что он погиб... Но вот живой Михаил на экране штурмует с отрядом альпинистов вершины Памира!

Этот штурм Михаил запомнил навсегда. Не только потому, что он помог ему найти брата.

Оператор Центральной студии документальных фильмов Аркадий Зенякин, который снимал штурм для фильма «День победившей страны», часто просил Ануфрикова быть его ассистентом.

С фотоаппаратами Миша обращался отлично, разбирал, собирал и умело ремонтировал их сам, но на кнопку кинокамеры нажимать пока не приходилось, хотя мечтал он об этом давно. И вот Аркадий Зенякин поручил Ануфрикову снять несколько кадров.

Произошло это так. Оператору нужны были «страшные» моменты. Для этого внизу на леднике в отличную погоду в трех метрах от земли снимали человека «над пропастью»...

Ануфриков скептически глядел на эту съемку и справедливо решил, что кадры, снятые в натуре в снежном вихре, заиграют на экране совершенно иначе. Но пройти по действительно опасному маршруту с камерой в руках по силам только хорошему альпинисту. Так в горах Памира родился новый кинооператор-альпинист.

С тех пор известный альпинист, заслуженный мастер спорта Михаил Ануфриков не расстается с киноаппаратом.

В 1951 году студия «Грузияфильм» снимала на Кавказе художественную картину «Покорители вершин». По ходу действия группа спортсменов должна была штурмовать грозную вершину. Для этого выбрали легендарную Ушбу.

Еще с прошлого столетия двурогая вершина Ушбы привлекала внимание альпинистов всех стран. В Англии был даже организован Клуб ушбистов, объединивший лучших альпинистов, стремившихся подняться на эту замечательную вершину. Покорение Ушбы стало своеобразным мерилом спортивного мастерства альпинистов. Многие погибли на отвесных скалах и ледяных стенах вершины. Недаром траверс обеих вершин Ушбы считается маршрутом высшей, пятой, категории трудности.

И вот, в сентябре 1951 года, группа альпинистов-спартаковцев предприняла такой траверс. Мастера спор-

та стали актерами. А снимал их Михаил Ануфриков.

В горах началась тогда ранняя зима, все замело свежим снегом. Замерзшими в рукавицах руками пришлось разгрести снег, чтобы найти еле заметную трещину для стального крюка. Веревка, связывающая альпинистов, оледенела, потеряла эластичность. Лавиной засыпало и разорвало палатку. Под толстым слоем снега чуть не задохся Владимир Кизель, его с трудом откачали. На седловине Ушбы на высоте четырех с половиной километров пришлось построить убежище из снега, и в это время отказала кинокамера. В снежном домике, согревая руки над примусом, Миша разобрал камеру, устранил дефект и снова собрал ее. Съемка продолжалась.

Когда фильм вышел на экран, в титрах впервые появилась фамилия нового высокогорного оператора Михаила Ануфрикова.

В 1957 году Ануфриков снова прошел с киноаппаратом этот полный опасности путь. На этот раз выступил уже как сценарист и оператор короткометражного фильма «Если бы горы могли говорить». Этот правдивый фильм о спорте мужественных и отважных, о товариществе и дружбе, о силе человеческого духа, способной покорить необузданные силы природы, и по сей день пользуется заслуженным успехом у советских и зарубежных альпинистов. Его показывают на встречах и вечерах покорителей горных вершин.

Оператор-альпинист незаменим в сложных съемках. Над фильмом «Покорение Музджилги» работали двое молодых, но уже опытных операторов Центральной студии документальных фильмов Ю. Леонгард и А. Истомин. Это были здоровые, сильные ребята. Но потолком для Леонгарда и Истомина стала высота 4500 м, да и туда они добрались в сопровождении двух мастеров спорта, связанных с ними одной веревкой. Высота Музджилги 6376 м, дальше снимать пришлось Ануфрикову.

Представьте себе — высота 6000 м, кислорода не хватает, легкие работают с предельной нагрузкой. Пройдя несколько шагов, самый тренированный человек начинает задыхаться. Более слабые идут, качаясь от утомления, в глазах темнеет, наступает тошнота. Каждый лишний килограмм ноши давит пудовой тяжестью. А кинокамера весит семь килограммов! Сделав свои десять шагов, люди садятся, а иногда и падают в снег или,

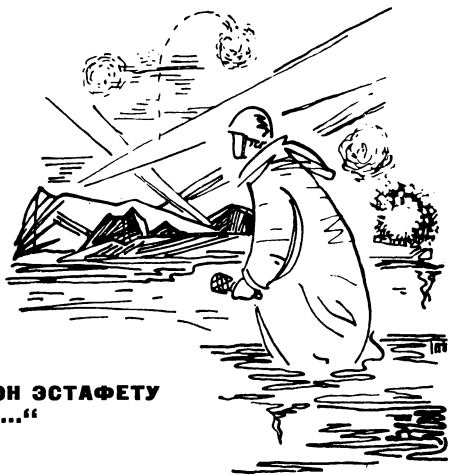
опершись на ледоруб, глубоко дышат. Но Ануфриков снимал на любой высоте, в любую погоду. Он ловил эффектные кадры, которые могли больше не повториться.

После утомительного дня, когда наконец все, забравшись в пуховые спальные мешки, напившись горячего чая, засыпают, как убитые, Михаил Иванович под вой ветра, сидя в спальном мешке, до глубокой ночи колдует над перезарядкой кассет. А утром, когда каждому втайне хочется вылезти из палатки на мороз последним, Ануфриков выходит вперед, чтобы, кое-как прилепившись на крутизне, занять интересную точку и снять очередной проход.

Да, нелегка профессия оператора. А особенно высокогорного!

Не случайно в 1956 году на Международном кинофестивале альпинистских фильмов в итальянском городе Тренто фильм «Покорители Музджилги» шел под аплодисменты и получил первую премию — «Серебряный эдельвейс». А через год на том же очередном фестивале Ануфриков показал новый цветной фильм «Пик Победы» — о покорении самого северного в мире тянь-шаньского семитысячника — пика Победы. И снова успех — кубок итальянского альпийского клуба. Как отметило жюри: «советские операторы сумели показать в этом маленьком документальном фильме большую человеческую дружбу, спайку, дух товарищества и взаимопомощи».

Сейчас Михаил Иванович — ответственный секретарь Федерации альпинизма СССР. Он загружен до предела, все лето в горах. Но о кино не забывает. Его мечта и цель — создать серию учебных фильмов, которые должны помочь молодежи освоить сложную технику восхождений.

**„...ОН ЭСТАФЕТУ
НЕС...“**

— Евгений Иванович, мы хотим о вас очерк написать. Надо повидаться, поговорить.

— Спасибо. Рад бы, да сегодня на Кавказ улетаю.

— Надолго?

— На полгода. Высокогорную дорогу в Осетии строим. Я отвечаю за технику безопасности. Там каждая лавина, прежде чем сорвется, на меня поглядит!

— Что же вы с ними делаете, с лавинами?

— Обмеряем, изучаем. Откуда сошла, велика ли. Не зная лавинных привычек, дорогу строить нельзя.

...Прошло полгода. Зимой загорелый, веселый Евгений Иванович Иванов наконец появился в Москве.

— Евгений Иванович, хотим очерк о вас написать...

— Ну что ж... Только я на охоту собрался — на север. Ненадолго — через месяц вернусь.

Весной действительно вернулся. И сразу предупредил:

— На днях должен отбыть на Урал. Телеграмму прислали — приглашают участвовать в одной стройке. Горы там, правда, невелики, но, говорят, без альпиниста не обойтись. Так что, если я вам нужен, давайте сегодня же и поговорим.

Конечно, надо пользоваться случаем, не откладывать разговор даже на день: кто знает, где очутится завтра этот неугомонный, упорно не желающий стареть человек?

Евгению Ивановичу за пятьдесят. Он невысок ростом, коренастый, плотный. Правая рука сильная, загорелая. А левая? — Левой нет... И глаз один не видит. Война...

— Я очень здоровый, — словно уловив сочувственный взгляд, заметил Евгений Иванович. — Если не считать ранений, с детства никогда не болел. А в детстве с нами не очень-то нянчились.

Родился Иванов под Москвой — в небольшой деревеньке у реки Истры. Отец погиб на гражданской, оставив пятерых ребятишек; жили бедно. И Женьку, понятно, мать не баловала. До снега бегал босиком, с ранней весны купался в Истре. В школу ходил за несколько километров. Зимой катался с высокого берега на самодельных лыжах и, случалось, влетал в полынью. Иной раз после такого купания прятался где-нибудь мокрый, пока мать не уйдет из дома. Уйдет — можно и на печку, а то, знай, достанется!

Может быть, такое нелегкое детство и дало закалку на всю жизнь? С малых лет привык и холод переносить и километры мерить.

Женя рано стал самостоятельным. Четырнадцать лет перебрался в Москву, приписал пару годов и поступил на завод. Деревенский мальчишка стал рабочим, быстро сдружился с заводскими ребятами, втянулся в круг их интересов.

Начинались тридцатые годы. Славные годы, когда росло и крепло все, чему мы радуемся сейчас. Набирал силу в те годы и советский спорт.

Евгений Иванович вспоминает о первых заводских

спартакиадах, о том, как выходили ребята на субботники строить первые свои стадионы, как осваивали марафонскую трассу Тарасовка — Москва. Слушаешь его, и будто видишь кадры старой кинохроники, которую не случайно так любят режиссеры включать в фильмы о наших нынешних успехах. Вот девчата в шароварах и красных косынках маршируют по Красной площади. Вот на стадионе у деревянных трибун пацаны вразнобой разучивают зарядку. Вот мускулистый бегун рвет ленточку на значке ГТО. И вот уже настоящий, живой бегун летит птицей по длинной-длинной дороге к победе. Братья Знаменские... Славная страница истории нашего спорта...

— А я однажды чуть Знаменских не обошел, — улыбается Евгений Иванович. — В тридцать пятом году, тогда — не помню второй или третий раз бегали из Тарасовки в Москву. Я со старта взял темп и вторым держался. Потом на питательном пункте задержался, потому и отстал — восемнадцатым пришел. Конечно, если бы мне тогда условия, какие сейчас у заводских ребят, наверно, вышел бы и я в Знаменские! А я койку снимал, питался без всякого режима. Ну, правда, не пил...

Что же из того, что «не вышел в Знаменские»? Интересно было жить, интересно открывать для себя за далью даль. На автозаводе, куда перешел работать Иванов, он состоял в сборной по легкой атлетике. Вспомнил детство — увлекся лыжами. Даже стал чемпионом столицы.

Потом среди комсомольцев вспыхнуло увлечение новым спортом — альпинизмом. И Иванов отправился в горы. Вместе с сотнями ребят впервые увидел он новый, ни на что прежнее не похожий мир, поднятый к облакам. Покорить семитысячник было событие.

Евгений Иванов может гордиться тем, что в 1938 году он был среди троих счастливых, первыми проложивших в сердце тьянь-шаньских гор путь к грандиозной безымянной вершине. Штурмывая ее, они обморозились, а на спуске едва не погибли в снежной лавине. Тогда друзья не подозревали, что через 5 лет, когда они будут стоять насмерть на перевалах Главного Кавказского хребта, топографы установят, что «их» вершина вторая по высоте в Советском Союзе (7439 м), и назовут этот самый северный в мире семитысячник пиком Победы в честь

исторической победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Побывал Иванов до войны на легендарной кавказской вершине красавице Ушбе и прошел в одной связке с прославленным советским альпинистом Евгением Абаляковым по неприступным стенам Цурунгала, Айламы, Нуам-Куама.

Мастер спорта по лыжам, по альпинизму, отличный бегун... И это все еще только начало пути — молодость ясная, светлая, не омраченная ничем.

Любовь к жизни, неистребимую радость жизни несло в душе это первое советское поколение. Великое испытание готовила ему жизнь. И оно выдержало его.

В июле 1941 года в числе первых встал Евгений Иванов в ряды защитников Родины.

Он сделал бы это еще раньше. Но Иванов, наверно, позднее всех узнал о том, что случилось на рассвете двадцать второго июня. Война застала его на Кавказе. В группе альпинистов-спасателей Иванов ушел в горы на помощь товарищам. Ушел в мирный день, вернулся — уже неделю как бушевала военная гроза. Тут же уехал в Москву. Написал короткое заявление, какие писали тогда тысячи его сверстников, друзей по кроссам и походам: «Прошу зачислить добровольцем».

«Готов к труду и обороне», — кажется, очень давно произнес как клятву эти слова рабочий паренек, прикрепляя к куртке значок с фигурой бегуна. Да, Евгений Иванов был готов к труду — чего-чего, а работы он никогда не боялся. Был он готов и к обороне. Вот она настала и эта пора. Нет, не зря клятвой звучали слова, начертанные на значке, не зря рядом с ним красовались на куртке синий кружок с ледорубом и серебряный мастерский квадратик.

Все, что дала молодая, радостная, мирная жизнь, все, что дал спорт, Евгений Иванов готов был отдать Родине.

В партизанском отряде «Боевой» красноармеец Евгений Иванов стал разведчиком. Темной осенней ночью рядом с ним пробирались во вражеский тыл такие же как он парни — спортсмены, ставшие воинами: борец Леонид Егоров, штангист Василий Чудновский, боксер Николай Иванов, легкоатлет Николай Косыгин...

«До 1944 находился в рядах Красной Армии, имею

три тяжелых и четыре легких ранения...» — писал потом в автобиографии Евгений Иванович. Скупые слова укладывались в две строчки.

Корреспонденты фронтовых газет были красноречивее. О подвигах мастера спорта Иванова во время войны сообщали не один раз.

«Спортсмен в шинели» — назывался очерк в «Правде».

«Молодой мастер спорта Евгений Иванов в декабрьской разведке под Москвой ночью пробирался с отрядом лыжников по тонкому льду узкой реки. Немцы слышали разведчиков и начали решетить ледяной панцирь. Отряд отступил на свой берег. Но Иванов продолжал двигаться дальше. У берега он провалился в полынью. Сверху раздался окрик фашиста: «Рус, сдавайся!» Спортсмен приготовил гранаты, взвел курок нагана, решил биться до конца. Немцы не рискнули ночью спуститься к реке.

Иванов целый час простоял в ледяной воде. Трассирующие пули цокали по льду, идти назад было нельзя. Смелый физкультурник выбрался на вражеский берег и нашел переправу в другом месте. В обледенелой одежде он пришел к своим. Жизнь отважному спортсмену спас врач Серафим Знаменский, младший из семьи популярных братьев-бегунов...»

«...Немцы шли на Москву. Вместе с товарищами Евгений минировал подступы к столице. Немецкие самолеты бомбили минеров. Те продолжали работать. Когда они после тяжелого боевого дня отдыхали в избе, фугасная бомба упала совсем рядом. 28 осколков получил Иванов. Он очнулся, и первая его мысль была о товарищах. Он окликнул их. Один из раненых ответил стоном. И Иванов, скрипя зубами от невыносимой боли, подполз к другу и сделал ему перевязку. Потом вместе с ним добрался до медсанбата...

Иванова хотели эвакуировать. Он отказался. Тогда ему приказали. Он попросился в часть. Ему опять отказали. «Ну что ж, придется самому выкручиваться», — решил Евгений. Эшелон с ранеными должен был отправляться из Москвы. Евгений спрятался в уборной. Вагон тронулся. Евгений прыгнул на ходу. Через час в нашу часть явился человек весь в бинтах...» — рассказывала газета «Победа за нами».

Вот еще один эпизод.

«...Прошло несколько минут. Он привстал и стал шарить рукой по земле. Два раза касалась рука лежащего рядом автомата. Но взять его она не могла. Человек поднес руку к губам. Он не ощутил ее губами. И понял: нет кисти.

Взрывом ему оторвало часть левой руки. Но самым страшным была потеря зрения.

Евгений Иванов слышал шаги. Немцы. Он не раз встречался с ними, но сейчас, слепой, без руки, что он мог сделать? Только не попасть к ним в руки живым.

— Евгений,— раздался тихий возглас. Двое партизан, схватив под руки Иванова, спустились с ним под откос. Через 10 минут они уже были в лесу...» — так писал «Красный спорт».

А сам Евгений Иванович, после того как мы долго упрашивали его припомнить какой-нибудь фронтовой эпизод, рассказал нам, как однажды — дело было в Белоруссии — взрывал фашистский эшелон. Не первый, не второй, даже не пятый спустил он под откос, а тут надо же было случиться беде: контузило взрывной волной. Он, собственно, ожидал этого — слишком близко пришлось находиться к месту взрыва, иначе нельзя было, не получалось. И вот — контузило. Очнулся — кругом крик, стоны, недобитые фрицы разбегаются, расползаются, дымятся перевернутые вагоны. Полуживой и он пополз куда-то в сторону Польши. А товарищи, помогавшие ему, остались по ту сторону полотна. Перебраться к ним невозможно: спрятался в лесу. Ночью пошел дальше. Добрался до глухой деревушки. Учительница спрятала в сарае, кормила, выхаживала. И он, еще не пришедший в себя от контузии, лежал на охапке сена, разложив вокруг гранаты — на всякий случай, вдруг сунутся в деревеньку фашисты. Чуть оправился, да и фрицы перестали рыскать по лесу — искать, кто подорвал эшелон, стал пробираться в отряд...

Один из славных бегунов,
Евгений Иванов,
Проник тайком в немецкий тыл,
И там он ранен был.

Очнулся он в лесу сыром,
Над быстрою рекой,
С насквозь простреленным бедром,
С пробитой рукой.

Но он поднялся и пошел,
Он шел пятнадцать дней.
Был долгий путь его тяжел
И с каждым днем трудней...

Не раз в дороге вспомнил он
Московский стадион,
Где, летний открывая кросс,
Он эстафету нес..

Так С. Маршак написал об этом эпизоде во фронтовой газете.

И вот пришел... То-то радости было: ребята уже думали — погиб Женька...

Нет, не погиб мастер спорта Иванов, донес эстафету, донес до мирных дней. Пусть без руки, пусть без глаза, но вернулся домой, к миру, к молодости. Вернулся и дерзко решил: вот сейчас-то самое время заняться спортом! Что ж из того, что инвалид: лыжи — прощай, бегать — тоже трудно, но горы — они примут.

И старые друзья не забыли — приняли. Через три года после войны Евгений Иванов получил звание заслуженного мастера спорта по альпинизму. Не за старые заслуги, конечно, — за покорение сложных вершин шеститысячников, за тренерскую, за спасательную работу.

Чем быстрее мелькали годы, тем выше и выше вел по кручам его путь. 1952 год — восхождение на пик Профсоюзов, 1954 — пик Революции, 1955 — пик Ленина, 1956 — покорение двух китайских семитысячников — Муштаг-Аты и Кунгур-Тага. В 1959 году Евгений Иванов возглавляет восхождение четырнадцати альпинистов на высочайшую вершину страны — пик Коммунизма (7495 м), а в мае 1961-го, накануне своего пятидесятилетия, поднимается на четвертый семитысячник страны, пик Корженевской.

В Советском Союзе четыре горных гиганта выше семи тысяч метров и лишь один альпинист побывал на всех этих пиках — это Евгений Иванов.

— Евгений Иванович, а глаза? Не мешает вам зрение в горах?

— В очках хожу.

— А руки? Руку-то очками не заменишь...

— Привык... Даже, знаете, удобно — не мерзнет. Другие боятся пальцы отморозить, а мне терять нечего.

Он шутит, конечно,— веселый, спокойный, молодой... Да, молодой, хотя большая и трудная жизнь за его крепкими плечами, жизнь рабочего, спортсмена, партизана. Из славных тридцатых годов, сквозь боевые сороковые, донес в наши мирные годы эстафету своего нестареющего комсомольского поколения Евгений Иванович Иванов, заслуженный мастер спорта, кавалер боевых орденов.

ЛЕД И ПЛАМЕНЬ

«...Крепче самых надеж-
ных веревок
Нашей дружбой связаны
мы...»

(Виктор Гусев)

Голос в телефонной трубке звучал спокойно, неторопливо:

— Пожалуйста. Приходите на этой неделе. А то я могу уехать... Нет, нет, пока дома. Радикулит проклятый, одна из памяток о фронте — перелом позвоночника. Что называется, прикован к постели.

...Мы сидим в уютной московской квартире. На пианино лежат фортепьянные пьесы Чайковского. Девушка, с такими же веселыми, как у нашего собеседника, глазами, пробегает пальцами по клавишам. В углу стол, заваленный рукописями. Обычная квартира... Но на стенах фотографии снежных пиков, двуглавая белизна

Эльбруса, цепочка людей на снежном склоне... Рядом олени рога и голова кабана. А на шкафчике чучела пингвина и пушистого серенького пингвиненка. Дом путешественника и охотника, ученого и спортсмена.

Хозяин действительно прикован к белой медвежьей шкуре, расстеленной на тахте. Александр Михайлович приподнимается нам навстречу, и кажется, медведь делает движение лапами, чтобы его удержать.

— Рассказать о самом главном, что было в жизни?.. Значит, об Антарктиде.

Да, именно этого рассказа мы и ждем. Недаром вернувшийся из труднейшей и ответственной зимовки доктор физико-математических наук, заслуженный мастер спорта А. М. Гусев был удостоен за свою работу ордена Ленина, который прибавил к своим фронтовым наградам. Наверное, у каждого, чья жизнь освещена большой целью, есть вершина, высшая точка, к которой человек стремится многие годы, исподволь готовя себя к этому восхождению.

— Мой альпинистский опыт в Антарктике пригодился в первые же дни, когда началась выгрузка на берег шестого континента. Был тогда такой момент, что никакая техника оказалась не в состоянии преодолеть десятикилометровый ледяной барьер, отделявший корабль от строительной площадки. И вертолеты, и вездеходы оказались бессильны... Единственный путь для строителей — пешком. Но как?

И группа под руководством Александра Михайловича нашла в ледяном барьере узкий крутой кулуар. В нем пришлось вырубить ступеньки, навесить веревочные перила и, таким образом, проложить путь для подъема и спуска строителей и грузчиков. Эта «Дорога альпинистов» — так ее и называли — была открыта в любую погоду.

Но конечно, самым запоминающимся из антарктической эпопеи была зимовка на станции «Пионерская». Восемь месяцев вчетвером, в ледяном безмолвии...

— Итак, представьте себе...

Самолет, покачав на прощанье крыльями, скоро скрылся в кружении метели. Занесенная снегом хижина, сложенная из деревянных стоек, стала теперь их домом на долгие месяцы зимовки, первой в истории исследова-

ний Антарктиды зимовки во внутренних районах шестого материка.

В тесной хижине было тепло. Горело электричество. От светящейся лампочки, запаха щей, которым тянуло из камбуза, веяло уютом. Александр Михайлович скинул ставшую от мороза похожей на скафандр верхнюю одежду, присел на нары. Уже немолодой, казавшийся грузноватым, он чувствовал себя сильным и уверенным. Внимательным, с добродушной хитринкой взглядом окинул товарищей: с ними зимовать... Испытание будет не легким.

По многолетнему опыту альпинистских походов Александр Михайлович Гусев знал, какими сложными сторонами могут обернуться человеческие характеры в маленьком, изолированном от внешнего мира коллективе.

«Чем меньше коллектив, тем выше «концентрация» всего — и хорошего, и трудного в человеке, — думал он. — Закипят страсти, а выходного клапана им нет, вот и кипят, кипят, варятся в собственной крошечной среде...

Зная это, в ответственные походы, на трудные восхождения подбираешь коллектив долго, придирчиво, взвешивая достоинства и недостатки каждого. А тут случилось так, что четверо, оказавшиеся под крышей хижины, в нескольких сотнях километров от людей, мало знакомы друг другу».

Дело в том, что зимовка на этой маленькой полярной станции, которой дали имя «Пионерской», была, так сказать, сверхплановой. Когда в 1956 году советские ученые высадились на берег «спящей красавицы» Антарктиды, предполагалось в течение первого года исследований проводить работу только на побережье. Но после нескольких экспедиций в глубь антарктического материка интерес к научным наблюдениям в сердце ледяного безмолвия стал настолько велик, что решено было остаться на зимовку в том дальнем районе, до которого добрался санно-тракторный поезд. Станция, построенная здесь, была маленькой — на четверых. Кому же зимовать?

Доктор физико-математических наук Александр Михайлович Гусев, много лет посвятивший исследованиям природы, ученый, создавший теоретическую схему циркуляции воздуха Антарктики и с нетерпением ждавший возможности проверить и дополнить свои предположения, разумеется, был кандидатом «номер один».

Еще в те трудные дни, когда санно-тракторный поезд с боем брал каждый километр ледяной пустыни, профессор снова, как в молодости, становясь мастером спорта, был первым в самых сложных ситуациях. Однажды, уже в конце похода, когда прибывший к поезду самолет не мог подняться в воздух — примерзли лыжи, Гусев совершил целый акробатический этюд. Сев на лыжу, привязал к ее стойке веревку (другой конёц был привязан к трактору), и, когда трактор стянул самолет с места и самолет «сам» побежал по ледяным «кочкам», Гусев успел отвязать веревку и прыгнуть, рискуя зацепиться за лыжу и подняться в воздух. Да, сил физических Александру Михайловичу было не занимать!

Не менее важным являлось и другое обстоятельство: альпинист Гусев был, что называется, запросто с морозом, ветром, высотой, недостатком кислорода, — словом, всем тем, чем встретили экспедицию ледяные склоны самой возвышенной части света. Недаром в годы войны, когда Гусев с боем брал склоны вершин, которые некогда покорял, в части, где он воевал, говорили: «Если есть в отряде хоть один альпинист — никто и пальца не отморозит».

И теперь, став начальником «Пионерской», Александр Михайлович должен был оберегать от коварной природы здоровье каждого из своих товарищей. Радист Ветров уже зимовал в Арктике. Гляциолог Долгушин много путешествовал, но только в Антарктике познакомился с суровыми условиями близости полюса. Что же касается третьего, самого молодого — тракториста Коли Кудряшова, то он остался на «Пионерской» случайно. Коля привел сюда трактор и должен был вернуться в Мирный, но самолет, летевший за ним, заблудился, не нашел «Пионерскую» и, израсходовав в поисках ее горючее, вернулся на базу.

Итак, четверо под одной крышей... Рабочий день начинается в семь утра. Александр Михайлович пробирается к метеорологической площадке, где установлены приборы. Кажется, недалеко — каких-то полторы сотни метров, но добраться туда непросто. Над Антарктидой спустилась полярная ночь — темная, ледяная, ветреная. Ветер валит с ног. Снег идет такой плотной пеленой, что в метре ничего не видно. Воздух разрежен — трудно дышать.

Когда-то совсем молодым Саша Гусев прославился тем, что перезимовал на Эльбрусе. И там природа не баловала. Потом Гусев поднимался на многие труднейшие вершины, бывал в Арктике. Но все-таки именно «Пионерская» стала «высшей точкой» в испытании его выносливости и закалки. Будто путь к заветной вершине — каждый день по три раза проделывал он теперь стопятидесятиметровый маршрут с ледорубом в руках.

Особенно сложно было следить за работой автоматических самописцев, у которых раз в неделю надо было на морозе менять бумажную ленту. Обычно после перезарядки всю неделю отмерзшая кожа сползала с пальцев.

И все-таки Александр Михайлович видел: ему придется легче, чем другим, даже двадцатилетнему Коле. Акклиматизация — великая тренировка, приобретенная на высоте, помогла сохранить и физические и моральные силы.

...Чуть озорная улыбка пробегает по лицу Александра Михайловича, прячась в глубоких складках у губ. Наверно, таким же спокойным, иногда слегка ироничным был он и в напряженные месяцы небывалой антарктической зимовки.

— Высота и холод — коварные вещи, — продолжает он прерванный рассказ. — Чего только они не делают с человеком — сильным, здоровым.

Сколько раз случалось наблюдать Александру Михайловичу, как действовала высота на неопытных восходителей. Ведь под его руководством на Эльбрус в разные годы поднялось шестьсот молодых спортсменов! В отряде крепких парней случалось, что уже у самой вершины или на спуске кто-нибудь (нередко самый физически сильный) «размякал»: пытался лечь на ледяной склон или заявлял, что не двинется дальше. Это давала себя знать горная болезнь — результат кислородного голодания. Александр Михайлович знал, что стоит спуститься ниже и все пройдет, парень и не вспомнит о глупостях, которые вытворял наверху. Но в этот момент опьянения высотой надо быть особенно осторожным и внимательным в отношении к товарищу.

В Антарктиде процесс акклиматизации шел медленнее, чем в самых высоких горах наших широт. Александр Михайлович чувствовал это по себе — по ночам, слуша-

лось, просыпался от тяжелой одышки. Поэтому он с особенной заботливостью наблюдал за товарищами.

Со стороны это могло показаться иногда мелочной опекой: не слишком ли горячится за шахматами Ветров, почему так долго сидит задумавшись Долгушин, а Коля слишком рано лег спать? Как важно было в такую минуту шуткой, вопросом разрядить, перебить настроение!

— В самые трудные минуты зимовки нас выручал витамин «Р»,— вспоминает Александр Михайлович.— Да, так мы называли нашего доброго друга — радио.

Зеленое пламя полярного сияния полыхало в зените. Лунный свет блистал в бесчисленных кристаллах ледяного облака. Крошечный домик погребла метель. Но там, под снежной крышей, Ветров осторожно поворачивал рукоятки настройки, и в хижину врывались голоса Родины.

— Я совершенно уверен,— серьезно произносит Гусев,— что радио — одно из лучших средств против цинги, этого страшного бича полярных экспедиций. Ведь разлука сама по себе не страшна, страшна неизвестность. Радио эту неизвестность исключает. А цинга всегда поражает человека, когда недостатки питания, неподвижный образ жизни сопровождаются подавленностью, появляющейся в одиночестве, при неудачах, без связи с живыми людьми в глухую полярную ночь.

Но бывало и так, что разбушевавшаяся метель глушила голос радио. В такие вечера зимовщики с особым удовольствием слушали увлекательные рассказы начальника станции. А Александру Михайловичу было о чем порассказать!

Совсем мальчишкой, в 1929 году, он окончил электротехникум и поехал работать в Киргизию. Здесь-то он впервые увидел горы. Белоснежные пики выглядывали из-за зеленой стены склонов, окружавших город Фрунзе. И однажды поднявшись к ним, Саша Гусев не смог забыть чудесного ощущения высоты, простора и своей победы над ветром, кручами, усталостью.

С тех пор его не покидала мысль: как бы переменить специальность, чтобы быть ближе к этим могучим великанам, чтобы постоянно соприкасаться с природой, изучать ее? Ему хорошо запомнился день, когда в дребезжащем и покачивающемся старом трамвае он прочел

объявление о наборе студентов в гидрометеорологический институт.

Он тут же подал заявление. Но ему отказали: молод еще, поработай-ка сначала.

Конечно, можно было так и сделать: поработать годик-другой электротехником и снова просить о приеме в институт. Но Саша решил действовать наверняка, так, чтобы ни у кого и, главное, у него самого не осталось бы ни капли сомнения в том, что этот выбор не случаен, что он готов вынести самое трудное испытание, лишь бы стать на шаг ближе к цели. И комсомолец Гусев поступил на работу в Северокавказское бюро погоды, решил принять участие в небывалой по тем временам зимовке на Эльбрусе на высоте 4200 метров над уровнем моря.

Хижина «Приют девяти» стала приютом трех отважных. Здесь Саша Гусев прошел первую ступень школы мужества и товарищества, здесь в качестве наблюдателя познакомился с основой науки, которой посвятил жизнь. День и ночь он ловил погоду — температуру, влажность воздуха, давление, скорость ветра. Эльбрус бросал под ноги трещины, старался сорвать со склона ледяным ветром. Но люди держались крепко.

Отсюда, из «Приюта девяти», Саша Гусев отправил в Москву по радио второе заявление о приеме в институт.

В институте много говорили об Арктике. Это были «арктические годы», когда молодежь мечтала о полюсе, зимовке, открытиях. После окончания института Саша Гусев работал в научном институте, возглавляемом О. Ю. Шмидтом. Обаянию личности этого замечательно-го человека невозможно было не поддаться.

— Шмидт заразил меня романтикой полярных исследований, — говорит Александр Михайлович.

Моря и горы, океан холодных ветров над арктическими льдами и острия высоких хребтов — где только не побывал за эти годы молодой ученый!

Вернувшись из очередной научной экспедиции в Москву, он недолго засиживался дома. Рюкзак, ледоруб и палатка всегда были наготове.

Двое в связке над пропастью на ледяном, узком, как нож, гребне...

Кто узнал минуты, когда в руки товарищу отдаешь свою жизнь, а сам держишь его, тот навсегда поймет великую силу товарищества.

Быть может, под влиянием рассказов Александра Михайловича у его брата, советского поэта Виктора Гусева родились строки:

«Крепче самых надежных веревок
Нашей дружбою связаны мы...»

Если нога, потеряв на секунду опору, скользнет по коварному гребню и... Нет, ты не сорвешься туда, где в тумане не видно дна! Товарищ в тот же миг скользнет по другую сторону страшного «ножа». Он крикнет: «Жив?» Конечно! Веревка выдержала, дружба выдержала. Значит, ничего не страшно. Выбирайся и снова в путь.

Разве не так было однажды, когда теплый ветер фен расплавил своим дыханием Ушбинский ледник и нагромождения ледяных глыб рухнули вниз на лагерь альпинистов? Один погиб, четверо были тяжело ранены...

Весть о страшном бедствии принес товарищам один из тех, кто уцелел чудом. Александр Гусев хорошо запомнил этот нелегкий путь: всю ночь и часть дня шел спасательный отряд. Поднялись. Взяли на плечи раненых. И начали тяжелый спуск по хаосу ледопада. Жизнь друзей была в руках спасавших, и они несли их почти сутки, не останавливаясь для отдыха. Последний участок пути, силы оставили Гусева. Но он не опустил свою ногу: двигался ползком, ни на секунду не забывая о раненом...

Говорят, что серебряный значок «Заслуженный мастер спорта СССР» дается за покорение недосягаемых высот. Да, конечно. Но не только за это. За то, что выучился мужественной дружбе и повел за собой, научил этому других.

Когда под рев антарктической метели Александр Михайлович рассказывал о том, как идут к вершине и рискуют жизнью для спасения друга, тем, кто слушал его, казалось, что мир их маленькой хижины несокрушим. Ни одиночество, ни затерянность в полярной ночи им не страшны. Ведь их четверо. И что бы ни случилось, как бы ни поступила с ними Антарктика, вместе они окажутся сильнее.

Вечерние разговоры часто начинал радист Ветров словами:

— Александр Михайлович, а помните, на фронте, бывало...

Из четверых зимовщиков трое — Гусев, Ветров и Долгушин — воевали. И хоть сражались они на разных фронтах, разговор, перемежаясь воспоминаниями, всегда шел оживленно.

Александр Михайлович 1941 год встретил у подножия Кавказа. Теперь он тренировал армейские части, обучал альпинистскому мастерству, готовя к войне на горном фронте. Все слышнее были раскаты военной грозы. Надо было спешить: альпийские дивизии Гитлера рвались к Кавказу, к перевалам, за которыми открывался путь к нефти, свинцу, молибдену. И вот альпинисты в действующей армии.

Нет, горы не любят чужаков. Для ненавистных пришельцев у них всегда есть в запасе свое оружие.

На рассвете, когда горы еще были окутаны мраком, отряд Гусева поднялся к мало известному перевалу. В предрассветной мгле альпинисты грозными тенями притаились у камней, прямо над головой врага. Поднялось солнце, готовясь своими лучами растопить лед и двинуть вниз гигантские лавины снега и камней.

Все замерли, чтобы ни одним неосторожным движением не потревожить горы. Только командир весь день осторожно обходил окрестные скалы и с удовлетворением рассматривал толстые снежные карнизы и скалы, нависшие над ущельем, по которому наступает враг.

Ночью склон вздрогнул от удара. Сотни килограммов тола, заложенные в расщелину, сбросили на головы гитлеровцам огромную снежно-каменную лавину. Удар был рассчитан точно — фашистский отряд, вооруженный первоклассной техникой, был разбит самой силой природы, подчинившейся хозяйской руке человека.

— Мирный, Мирный... — вызывал Ветров, прерывая рассказ.

— Хорошее слово... — задумчиво произнес Гусев.

А Мирный с тревогой спрашивал: «Как на «Пионерской»? Как переносите шестидесятиградусные «рекорды» холода? Держитесь! Скоро домой!»

Медленно, медленно наступала антарктическая весна. Все выше поднимался над горизонтом солнечный диск. Понемногу спадал мороз. И вот уже закружился над хижиной долгожданный самолет. Четверо людей,

похудевших, обросших за долгие восемь месяцев, но гордых чувством выполненного долга, поднялись на борт.

Да, начальник зимовки мог гордиться своим коллективом. За полгода на «Пионерской» не было пропущено ни одного наблюдения, программа работ выполнена и перевыполнена... Под крылом самолета показался Мирный. Четверо крепко пожали друг другу руки. Александр Михайлович подумал, что в этом рукопожатии как бы сконцентрировалось все, выковавшееся в этих разных людях за долгие месяцы самоотверженной и дружной работы.

— ...Ну, вот и все,— развел руками Александр Михайлович.— Могу еще только добавить, что наши наблюдения во многом подтвердили схему теории циркуляции воздушных потоков над Антарктикой. В лаборатории Института Академии наук СССР, которой я сейчас руковожу, мы начинаем новую работу, она, конечно, связана с прошлым, мы будем строить модель, на которой попытаемся воспроизвести климат нашей планеты. Раньше на модели было белое пятно — Антарктида, теперь оно стерто...

После окончания экспедиции А. М. Гусев в 1957 году докладывает о своей работе на IV Антарктической конференции в Париже, а осенью 1959 года в качестве научного консультанта советской делегации участвует в первой международной конференции по Антарктике в Вашингтоне.

Между двумя конференциями — поездки с лекциями по Австрии и в Швецию во главе делегации деятелей культуры.

Наша беседа подходит к концу.

Нет, оказывается далеко не все рассказал нам о себе в тот вечер доктор физико-математических наук Гусев. Мы заговорили о науке — о деле всей его жизни. И Александр Михайлович начал с увлечением посвящать нас в тайны земного климата, мечтать о том, как в будущем («Ведь это записано в нашей партийной Программе») будут найдены пути воздействия на климат! Советские люди научатся управлять погодой, ветрами, морскими течениями. Нет-нет, это не фантазия! Об этом говорят сегодняшние великие свершения советской науки.

На прощание Александр Михайлович сказал, что

скоро снова расстанется с Москвой. Куда? Конечно, в горы! Но на этот раз не на Тянь-Шань и Эльбрус, а в «талые» горы возле Новороссийска.

— Вы, может быть, слышали, что там 159 дней в году дует страшный ветер «новороссийская бора», приносящий огромный ущерб городу и порту?

Многие исследователи изучали бору и предлагали различные способы борьбы с этим грозным явлением природы. Изучала ее и лаборатория Александра Михайловича. В результате многолетней работы вышла в свет научная монография о боре. Теперь надо думать о возможных способах борьбы с ней.

Да, поистине неиссякаем пламень души этого человека, пламень, озаривший его жизнь множеством ярких увлечений, способностью к подвигам, страстью к науке!

ПУТЬ БЕЗ ВОЗВРАЩЕНИЯ

Утром 27 августа 1959 года начальник экспедиции мастер спорта Иван Иосифович Антонович нашел в пустой палатке, где жил завхоз отряда московский инженер Юрий Кассин, записку. Вначале тон записки показался Антоновичу беззаботным: «Хочу поохотиться с фотоаппаратом. Уверяю Вас, что буду крайне осторожным и вернусь здоровым и невредимым... Я должен, я обязан видеть Кирилла Константиновича и всех его друзей».

За два дня до этого, когда заслуженный мастер спорта Кирилл Константинович Кузьмин повел группу на пик Коммунизма, Юрий Кассин просил взять и его на

штурм. Но Кузьмин был неумолим. За его твердым «нельзя» стояли обросшие белой коркой скалы ледника Беляева, острый гребень, колючий ветер и, главное, огромная высота. Высота — 7495 метров, способная сделать здорового мужчину слабым, как ребенок, и, что, быть может, еще страшнее, безразличным, как глубокий старик, к опасностям, к холоду и голоду.

А Юрий Кассин только турист. С альпинизмом он познакомился впервые.

— Нельзя. И довольно об этом...

Антонович несколько раз перечитал записку. Его охватила бессильная ярость: надо бежать за Кассиным, искать, спасать — ведь он пошел на верную гибель. Но кому бежать? В лагере остались только трое: он, повариха и радист. Идти самому? Еще одна бессмыслица!

— Всем. Всем. Всем, — забило тревогу радио.

Не теряя времени, вышла на поиски группа альпинистов, уже возвращавшихся домой. Через три дня к ней присоединился отряд Кузьмина, вернувшийся после штурма пика. Усталые, голодные (кто же знал, что придется так долго задержаться?), они несколько дней прочесывали ледяные переулки и тупики, кричали, звали. Голоса ударялись о скалы и затихали в пропастях...

На леднике Беляева нашли консервную банку, вскрытую толстым кинжалом, — такой был только у Юрия, — окурки сигареты... «Его», — определили друзья.

Больше следов не было.

Горы молчали. Пригрело солнце, и подтаявшие ледяные глыбы срывались вниз, открывая новые зияющие провалы трещин и намертво запирая старые. Может быть, в одной из таких ледяных могил погребен человек, неделю назад покинувший на рассвете лагерь...

Странная и бессмысленная человеческая гибель оставила горький, тревожный осадок. И хоть альпинисты знали, что сделали все возможное, домой возвращались измученные не только усталостью, но и этим тягостным чувством.

Два года молчали горы...

С вертолета сбрасывали подарки: вниз летели ящики с провизией и газовые баллоны. Каждое новое удачное приземление вызывало внизу ликование.

Целая стая неведомо откуда взявшихся тут галок вилась над разлетевшимися по ущелью банками с тушен-

кой и кусочками рафинада. Крики птиц, стрекот мотора, голоса людей вдохнули тепло в необитаемую высоту Памира.

На рассвете — в путь. Четырнадцать огромных рюкзаков осторожно поплыли над гребнями скал. Выше, выше, прокладывая новый маршрут к высочайшей вершине нашей Родины.

Всего двадцать восемь лет назад люди впервые поднялись сюда. Их было очень мало. У них не было вертолетов и газовых плиток, и сложную технику высотных восхождений они тогда только создавали и осваивали. Страна послала их на разведку, и они должны были завершить ее победой во что бы то ни стало. Любой ценой.

Одного за другим горы выбивали из строя бойцов. В сотни метров от цели остались двое. А потом упавший на снег Н. П. Горбунов видел, как ползет вверх, буквально ползет, потому что встать на ноги и сделать последний шаг уже не было сил, отраженная ледником гигантская тень самого сильного.

Евгений Абалаков вполз тогда на вершину. Этот его последний рывок был равен подвигу: он оставил первый след на заоблачной земле.

С тех пор кто бы ни поднимался сюда, находит под камнем короткую записку — эстафету, свидетельство мужества.

• • •

Теперь на пик Коммунизма вышли четырнадцать. На высоте 7200 метров пришлось заночевать. Небо становилось все яснее. Только над пиком висел «флаг» — серое сырое облако. Но чем яснее, тем ветреннее. Ветер не давал дышать.

— Ставить палатки? На таком ветру? — размышлял начальник группы Евгений Тамм. — Не лучше ли сделать пещеру в снегу?

Рыть пещеру тоже было трудно. Никто не мог вынести больше минуты работу пилой и лопатой. Но четырнадцать человек оказались сильнее самой плотной снежной стены.

Их встретило утро, притихшее и ясное. В путь, за работу!

Работа — это выбивать в плотном снегу ступени. Несколько ударов ногой того, кто идет первым, и сту-

пенька для одного шага вперед готова. По ней пройдут остальные тринадцать. А обессиленный «первый» валится в снег. Его место занимает товарищ.

— Далеко еще? — приставали к Валентину Божукову, который был здесь два года назад.

— Нет-нет. Скоро покажется.

Впереди встала ровная черная стена. Ее острый, в километр длиной гребень, слегка поднимаясь, вел к пику.

Трудно? Но путь не крут. Не будь семитысячной высоты и пропастей по обе стороны, тут прошел бы любой (любой, разумеется, альпинист). А сейчас каждый шаг — напряженное внимание и собранная в кулак воля.

Наконец гребень вывел на ровную и спокойную, как большая комната, площадку. Посредине холмиком лежит снег. Выше — уже ничего нет. Ничего! Только небо. Это значит — вершина покорилась человеку.

Первым делом надо найти записку. Записка должна лежать в каменном туре. Те, кто был тут два года назад, рассказывали, что сложили из камней большой тур. Но где же он? Может быть, занесло снегом?

Раскидали снег, под снегом камни. Нет, они не уложены в аккуратную пирамиду, просто разбросаны, хотя ясно, кто-то принес их сюда. Что ж, тур мог и развалиться за два года от жестких ветров и бурь.

— Нашел! — воскликнул Евгений Тамм и вытащил из-под камня прозрачный мешочек.

Товарищи плотным кольцом окружили командира. Записка на пике Коммунизма! Сколько ни ходи по горам, сколько ни встречай пиков, эти секунды всегда полны особого трепета.

Тамм достал из мешочка плотный листок бумаги, исписанный неровным карандашом. Пробежал глазами первые строки, недоуменно нахмурился:

— Что такое? О чем это?

Еще раз велух прочел все с начала до конца: «Благодарю бога, детей своих и Кирилла Константиновича за то, что они дали мне силы закончить этот путь... Трое суток я ничего не ел и не пил... Кассин. 5 сентября 1959 года».

— Кто-кто?

— Кассин...

— Он... — тихо выдохнул Божуков.

«Мы посвящаем свое восхождение памяти товарищей, отдавших жизнь за покорение гор...» — написали в своей записке альпинисты из группы Евгения Тамма. Они думали и о Юрии Кассине...

Может быть героем один? Да, может! Когда дело его, подвиг его рождены не смутным порывом, а ясным сознанием высокой цели или отсутствием иного выхода. Так было, когда престиж отечественного альпинизма зависел от того, хватит ли у Евгения Абалакова сил на последний рывок, на то, чтобы донести алый вымпел до высотного полюса Страны Советов.

В спорте, когда он перерастает обычное увлечение, всегда есть высшая точка, за которой лежит подвиг первооткрывателя. Рекорд спринтера, марафонца и победа восходителя — это всегда открытие новых возможностей человека, новый рубеж выносливости физической и моральной. Путь героя, взявшего первым этот рубеж, всегда можно проследить ступеньку за ступенькой: ведь этот путь для того и проложен, чтобы следом прошли другие. В этом великая притягательная сила спорта. По крайней мере советского спорта.

Четыреста двадцать семь русских, украинских, грузинских, узбекских, казахских, киргизских спортсменов побывали на семитысячных вершинах, из них 86 на пике Коммунизма. И каждому из них помогли подняться ступеньки, высеченные такими, как Абалаков...

На Западе еще встречаются любители совершать восхождения в одиночку — оставаться с горой один на один. Отвергая помощь товарища, они видят в этом проявление высшей доблести.

Альпинизм по своей сути спорт коллективный. Отправляясь на штурм неприступных пиков, вступая в борьбу с суровыми силами природы, мужественные люди всегда чувствуют заботливую руку друга. Иногда это вовремя поданный ледоруб, иногда удержавшая тебя в опасном месте капроновая веревка, конец которой в руках товарища.

Путь к спортивной победе никогда не лежит через душевный надлом. Это противоречит самой здоровой основе спорта, исподволь, постепенно закаляющего человеческую душу. Финал фанатической попытки Юрия Кассина был предрешен всей логикой, всем опытом нашего альпинизма. Одиночка, не знающий гор, не мог

выдержать такого колоссального напряжения сил. Выдержав подъем, он не одолел спуска...

Есть в русском языке очень емкое слово «одержимый». Иногда его произносят с легким презрением, а иногда — с уважением. И тогда понятие «одержимость» смыкается с более высоким и красивым — «горение». Из стана «одержимых» пополняются ряды талантливейших людей — изобретателей и художников. В стане «одержимых» живут и альпинисты... «Что-то спрятано: пойди и отыщи, пойди и загляни за эти хребты. Что-то потеряно за этими хребтами. Потеряно и ждет тебя. Иди!..»

Да, иди! Но иди во всеоружии, всегда чувствуя локоть товарища. Будь готов к подвигу, так, чтобы в решающий момент не изменили силы. Помни, что нет ничего более жестокого для памяти молодого, полного сил человека, чем горькие слова — «бессмысленная гибель».

ТРУБОЧИСТ

Переборы гитары звенят над палатками. Луна заливает призрачным светом снежную панораму гор. Тихо и чуть жутковато в этой оторванной от людей глуши. А гитара звенит, и песня звучит по-особому задумчиво у походного костра.

«Пижон...» — подумает тот, кто не знает Костю и впервые увидит его вечером на лагерном отдыхе: одет с подчеркнутым спортивным шиком, да еще гитара болтается на шнурке за спиной. Гитара потрепанная, видно, хозяин давно уже таскает ее поверх рюкзака по горам.

Какой там «пижон»! Позади блокада, голод, эвакуация. Отец — коренной питерский рабочий — и сынишке

передал серьезность и организованность во всем. В юности Костя и столяром-краснодеревщиком был, и чертить научился, и... впрочем, предоставим слово нашим зарубежным коллегам.

«На вопрос о профессии этот молодой человек, весьма элегантно одетый, с манерами и выправкой прекрасного спортсмена, ответил, что он... трубочист. Вначале мы предположили, что перевод был неточен. Переводчик переспросил. Сеньор Клецко улыбнулся и подтвердил: «Трубочист...»

Так писал итальянский журналист о своем знакомстве с советским альпинистом мастером спорта Константином Клецко. Костя приехал тогда вместе с друзьями походить по Итальянским Альпам.

Из скромности он не рассказал новым знакомым увлекательных подробностей своей рабоче-спортивной биографии. Он даже постеснялся упомянуть о восхождении на шпиль Петропавловской крепости. А зря — это действительно было необыкновенно.

Но прежде всего надо сказать, что элегантный Костя Клецко, хоть ничем не напоминает трубочиста из старой детской книжки — чумазого дядьку с лестницей на плече — и правда, принадлежит к этой редкой профессии. Разумеется, современный трубочист не лазает по печным трубам, выгребая сажу, теперь у него работа посложнее. Печи заменил газ. Но газоходы, вентиляцию, трубы заводов тоже надо чистить и ремонтировать. Нет, трубочисты совсем не вымирающее племя.

И вот к 250-летию родного костинского города, Ленинграда, когда старинные здания чистились и мылись, молодея на глазах, решено было обновить позолоту иглы Петропавловки.

Петропавловский «пик», сверкающий издалека, невысок: 121,8 метра, но штурмовать его поручили бригаде альпинистов. Петр Буданов, Костя Клецко, Геннадий Ильинский и их бригадир Олег Тихонов — альпинисты-трубочисты — начали «восхождение» в солнечный весенний день.

Где-то внизу по широким проспектам мчались потоки машин, спешили по-весеннему одетые люди, а шпиль обдувал холодный ветер, работать приходилось в теплых комбинезонах.

По всем правилам альпинистской техники закреплена

12-миллиметровая капроновая веревка. Клецко медленно передвигает по ней петлю из капронового шнура. Петля эта сделана хитро. Вверх узел скользит свободно, а стоит его дернуть вниз, и он намертво схватывает толстую веревку. Сухой щелчок стальной скобы карабина, и пояс верхолаза соединен через петлю с веревкой, которой доверена его жизнь.

Метр за метром, лист за листом проходили альпинисты. Много хлопот доставил венчавший шпиль крест и распростерший над городом свои крылья ангел. Ангел медленно разворачивался по ветру, и закрепленный на нем верхолаз вращался над грохочущей бездной города.

И так день за днем, почти два месяца, пока под яркими лучами солнца не засверкал обновленный шпиль. Пока шла эта акробатическая работа и четыре человека трудились, сменяя друг друга, тысячи их земляков и заезжих иностранных туристов, задрав головы, с любопытством следили за необыкновенным зрелищем — маленькими фигурками, висящими в поднебесье.

Неприступный тянь-шаньский семитысячник покоряют за 30—40 дней, а тут каких-то 120 метров — за два месяца!

— А вы удивляетесь сочетанию — альпинист-трубочист! — говорит Костя. — Самая естественная профессия для человека, любящего высоту и движение!

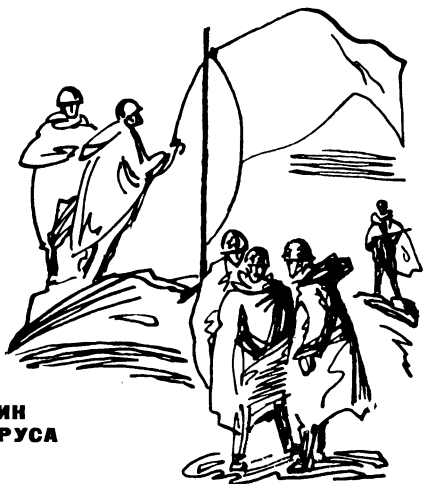
Костя Клецко — дважды мастер: по альпинизму и горным лыжам. По его собственным словам, трудно сказать, к чему больше лежит душа: к головокружительным спускам по слаломным трассам или к подъему по отвесной скальной стене. Главное, что и то и другое в горах.

Он не раз участвовал в восхождениях, принесших его команде золотые медали чемпионов страны. Да, ему приходилось штурмовать высоты повыше золоченого шпиля: брал пик Победы, дважды — пик Ленина, всходил на пик Ахмади Дониша, взбирался на неприступные стены Мижирги и пика Энгельса.

И те, кто ходил с ним в трудные походы, знают: Костя — мастер на все руки. Когда штурмовали Победу, в снежной пещере ремонтировал и разводил примус, готовил супы и фирменные высотные омлеты. Когда идет подготовка к дальней экспедиции, сам, подбирая снаряжение, рисует в опытном цехе фабрики спортивного ин-

вентаря схемы новых образцов альпинистских доспехов. И слесарь, и портной, и художник...

И гитара его — совсем не пижонство. Когда где-нибудь над ледником висит, примостившись на карнизе, крохотная палатка, задумчивые и веселые аккорды гитары много могут дать людям. Палатка — будто корабль в безбрежном и безмолвном океане. Альпинисты сидят, тесно прижавшись друг к другу. С солнцем ушло тепло, льды дышат стужей. А Костина песня — про прелесть дальних странствий, про радость возвращения и гордость победой.

ХОЗЯИН ЭЛЬБРУСА

«Из-за гор и рюкзака
Нам не видно Гусака...»

Наверное, и правда, не видно. Гусак — коренастый, рюкзак за его плечами огромный, а горы упираются вершинами в небо... И ребята — студенты института физкультуры, начинающие альпинисты, которых Гусак приобщил к горам, были не так уж далеки от истины, складывая в шутку стихи об этом известном восходителе.

В горах заслуженный мастер спорта Николай Афанасьевич Гусак провел часов, дней и лет, пожалуй, больше всех из наших альпинистов. По количеству горо-часов с ним могут сравниться разве что швейцарские проводники-профессионалы, сопровождающие в Альпы группы

любителей высотных прогулок. Николай Афанасьевич был разведчиком перевалов и ледников многих горных районов нашей Родины, участвовал в съемках фильмов в горах, помогал географам, гляциологам, топографам, этнографам, физиологам. На Эльбрус совершил он не один десяток восхождений. Когда решено было строить канатно-подвесную дорогу на Эльбрус, кого же как не Гусака попросили разведать ее трассу! Недаром друзья когда-то прозвали его «хозяином Эльбруса».

В 1935 году он первым поднялся зимой на Западную вершину двуглавого великана. Одним из первых зимовал на Эльбрусе тридцать лет назад, ведя метеорологические наблюдения в маленькой лаборатории «Приюта одиннадцати», где закладывались основы нынешнего высокогорного Геофизического института Академии наук СССР. Там Гусак проработал впоследствии девять лет, прозимовав из них три года подряд в вечных снегах Эльбруса.

Тем, кто сейчас поднимается на Эльбрус, кажется, что серебристое, похожее на ангар здание «Приюта одиннадцати», — неотъемлемая часть здешнего пейзажа. А Николай Афанасьевич отлично помнит, как поднимали будущее здание сюда, на высоту четыре тысячи двести метров, по кусочкам, как собирали его и как первый дымок закурился над крышей.

Склоны Эльбруса в предвоенные годы были учебными классами. Под руководством Гусака здесь, на снежных полях, ледниках и скалах, осваивали альпинистскую технику молодые горцы. Их отцы и деды давали вершинам такие названия, как «Роковая», «Вертеп ведьм», и восхищались ими, и суеверно боялись их... Давно это было. И многие ученики Гусака сами стали заслуженными мастерами спорта по альпинизму.

В горах и застала лейтенанта Гусака война...

В 1942 году части альпийской дивизии Гитлера «Эдельвейс» прорвались по Военно-Сухумской дороге на юг. Нашей обороне, вытянутой по ущелью Клыч, на одном участке наносил большие потери огонь фашистских минометов, скрытых где-то сверху, на хребте.

Бывалым зимовщикам на Эльбрусе — альпинистам Н. Гусаку и А. Гусеву — было дано задание: с двух сторон подняться на скалистый хребет Клыч, разведать, где спрятаны вражеские минометы, по возможности лик-

видировать их и пройти нейтральным перевалом в тыл противника.

Как провести сейчас отряд бойцов через дикие заросли лиан и колючек кавказских джунглей, по скалам, труднодоступным даже в мирное время? Ведь они не альпинисты и не имеют никакого представления ни о горах, ни о боевых действиях в них! Да и как подниматься, какой избрать маршрут? Одно очевидно: двигаться по скалам можно будет лишь ночью. Днем фашистские «рамы» тщательно высматривают наши передвижения.

Было ветрено, холодно, часто моросил дождь.

«Плохо экипирована моя пехота»,— озабоченно думал Гусак, видя, как скользят по камням сапоги, как тяжелеют, впитывая сырость, длиннополые шинели. Но отряд шел. Маскируясь, используя сумерки и рассветы, оберегаясь от камнепадов, он упорно полз к вершине хребта.

— Делай, как я,— командовал младший лейтенант-альпинист, когда подъемы были особенно рискованны. Хорошо еще, что у командира была припасена для страховки веревка!

А когда мокрые и усталые бойцы — костра не разведешь: дымок выдаст отряд — валились на землю кучей мала, чтобы согреться, и курили в рукав, им помогала добрая шутка неунывающего и, казалось, неутомимого командира.

Пять дней продолжалось это восхождение. Не было ни одного бойца, который бы расхворался или смалодушничал. Не было ни одного сорвавшегося. Войны вышли на вершину хребта. Здесь, под облаками, отряд Гусака принял неравный бой с фашистами, отступившими под напором другой нашей группы — А. Гусева.

— Почти все бойцы и командиры этого отряда погибли среди скал и вечных снегов,— вспоминает Николай Афанасьевич.— Но фашисты откатились вниз. Операция очень помогла нашим подразделениям в этом районе развить наступление, освободить родные горы.

Горы не любят чужаков. Фашистская дивизия «Эдельвейс» рвалась через перевалы в Закавказье. Но не только снежные вершины могучей цепью закрывали захватчикам путь. Наши славные воины стойко держались в снегах и льдах сурового Кавказа. Надежно заперли все перевалы и проходы через Главный Кавказский хре-

бет наши части. И в самых трудных местах храбро сражались армейские инструкторы альпинизма. С автоматами и ледорубами они самоотверженно вели солдат против нападающих гитлеровцев, отлично подготовленных к войне в горах. Не удивительно, что, когда фашистам удалось разомкнуть одно звено цепи в районе Эльбруса, они раструбили по всему свету о том, что «Эльбрус пал, покоренный железной рукой фюрера», что «флаг великой Германии отныне и навсегда будет развеиваться над высочайшей точкой Европы...»

Это был ноябрь 1942 года. Наступила зима. Морозы и снега еще крепче заперли от фашистов кавказские перевалы, а с севера, с Баксана, наступали советские части. В районе Эльбруса дивизия «Эдельвейс» попала в «мешок». И когда советские летчики уничтожили вражеский гарнизон на седловине Эльбруса, командование отдало армейским альпинистам приказ: сбросить с вершин фашистские штандарты — пусть вновь реет над Кавказом алое знамя Родины!

...В маленьком отряде, которым командовал капитан А. Гусев, было двадцать человек. Многие знали друг друга еще с тех времен, когда студентами штурмовали вершины, пели песни в альпинистских лагерях. Теперь они снова шли на штурм как альпинисты и как воины. Заместителем командира отряда был лейтенант Н. Гусак. Он шел на Эльбрус в тринадцатый раз.

Летом Эльбрус сравнительно доступен. Для опытных альпинистов такое восхождение не представляет особой сложности. А когда поползут сюда вагончики подвесной дороги, путешествие на Эльбрус станет приятной прогулкой... Но тогда была зима, с ураганными ветрами и лавинами, военная зима — шел февраль 1943 года. Не хватало горного снаряжения, продуктов пришлось взять в обрез.

Обычные мирные тропы, которые так хорошо знал Гусак, фашисты заминировали. Пришлось искать пути «в лоб» — по осыпям и крутым, угрожающим лавинами снежным склонам. К тому же в ущелье еще кое-где бродили недобитые фашисты.

Но маленький отряд упорно шел к цели. Все ближе двуглавая вершина. Высота четыре тысячи метров... Скоро должен показаться «Приют одиннадцати». Вперед выслали разведчиков...

«Существует ли еще наш «Приют»? — с тревогой думал Гусак. — Может, фашисты уничтожили его, и мы увидим одни развалины?..»

— Цел! Смотрите, цел! — раздался впереди приглушенный возглас.

Отряд остановился. В бинокль хорошо были видны распахнутые настежь двери, выбитые окна...

Гусаку хотелось броситься туда со всех ног. Но рисковать нельзя. Гусев приказал залечь и дать автоматную очередь.

— Огонь!

Только стоя крикливых альпийских галок закружилась над крышей. Враг, как видно, удирает второпях: вместо обычных мин фашисты оставили альпинистам подарки — с полсотни полуразорванных гранатами банок консервов.

Теперь цель, казалось, была совсем рядом — до вершины оставался один переход. Но небо заволокли черные тучи, началась снежная буря. Кто-то, а Гусак отлично представлял себе, что значит выйти к вершине в такую погоду зимой.

Пришлось ждать. И это было, пожалуй, самым трудным.

Шли дни. Одинаковые в бесконечном кружении метели. Кончились принесенные продукты, сухая картошка, кончились немецкие консервы.

— Надо выступать. Во что бы то ни стало, — решили альпинисты.

Вскоре после полуночи Гусак поднял свою штурмовую группу. Вот так же, бывало, собирались спортсмены на восхождение, чтобы победителями встретить рассвет на вершине.

Пять человек под руководством Николая Афанасьевича вышли в ночь, в бурю: Александр Сидоренко, Евгений Смирнов, Евгений Белецкий, Габриэль и Бекно Хергани. Несмотря на голод, на усталость, все были в необыкновенно радостном возбуждении: они несли знамя, символически они были вестниками победы.

Это чувство захватило и очень сдержанного, а в минуты волнения склонного скорее к юмору, чем к патетике, Николая Афанасьевича Гусака, когда он по праву руководителя штурма замерзшими руками писал записку, чтобы положить ее в каменный тур на Западной

вершине. И следующая группа, которая уже в мирный послевоенный год поднялась на Эльбрус, найдя эту записку, с волнением прочла неровные строчки:

«Западный Эльбрус, 5633 м, 15 февраля 1943 г. 14.00. Сегодня сюда поднялась группа инструкторов альпинизма РККА в составе нач. альпгруппы мастера спорта СССР лейтенанта Николая Гусака и участников мастера спорта Сидоренко (без звания), сванов-партизан мастеров спорта СССР Г. Хергиани, Б. Хергиани, политрука мастера спорта СССР Е. Белецкого и воентехника II ранга инструктора альпинизма Е. Смирнова.

Снегопад, туман, мороз. Поднялись от «Приюта II» за 9 часов. Восхождение посвящаем освобождению Кавказа от гитлеровцев и 25-й годовщине нашей славной Красной Армии. Группа по приказу командования Закавказья сняла немецко-фашистский вымпел и установила наш красный флаг СССР (от немецкого вымпела ничего не осталось, кроме каната).

Смерть немецким оккупантам! Да здравствует ВКП(б) и героическая Красная Армия!

Да здравствует наш Эльбрус и вновь свободный Кавказ!

Нач. группы *Н. Гусак*».

К удивлению восходителей, штандарты, о которых так громко сообщало фашистское радио, действительно обратились в жалкие отрепья. Видно, не рассчитали агрессоры, не знали, как безжалостен и суров Эльбрус. Всего одна зима прошла с тех пор. Какой призрачной оказалась эта «победа»! Даже символ ее и тот развеял ледяной ветер вершин.

А через несколько дней еще одна группа под руководством А. Гусева вышла из «Приюта одиннадцати» на штурм второй, Восточной, главы Эльбруса. И здесь советские альпинисты водрузили наше алое знамя.

Успешное участие наших альпинистов в великой битве за Кавказ высоко оценил советский народ. Среди награжденных воинов-альпинистов был и Н. А. Гусак.

...Недавно Николаю Афанасьевичу Гусаку исполнилось пятьдесят лет.

— Теперь все, отлазился, дед,— любит он поворачивать.— Теперь колю лед только в холодильнике. А высо-

та... Ну, высоты, правда, сколько угодно — все лето на высоте. Облака ищем!

Одна из проблем, которой занимается Институт прикладной геофизики, где Николай Афанасьевич работает, «облаковедение» — разгадка жизни облаков.

Обычно летчики не любят «кучевку» — густые кучевые облака. А самолет, на котором вместе с отважным экипажем, сотрудниками института Академии наук и Николай Афанасьевич Гусак, стремится в самую их гущу. Это высоко — не ниже Эльбруса — и рискованно — не спокойнее восхождения. Альпинисту, ставшему «охотником за облаками», из иллюминаторов самолета открывается знакомая панорама — громады ледников с перепадами, каскадами, башнями...

Нет, что касается «отлазился», — не верьте. Как только представится случай, Николай Афанасьевич покинет свою уютную квартиру в московских Черемушках с видами Эльбруса на стенах и закинет за плечи рюкзак. Пусть ребята дразнят: «Из-за гор и рюкзака нам не видно Гусака!»

Горы и правда велики. Но человек, посвятивший им жизнь, обживавший их, за них сражавшийся, — их хозяин.

ГОРНЫЙ ДОКТОР

Сколько страниц, испещренных восклицательными знаками, написано о горах и о прелестях их покорения! О волшебном зрелище, которое открывается победителю с высоты, о сверкающих ледниках и безмолвии вечных снегов, о неповторимом чувстве, охватывающем человека, поднявшегося на многокилометровую высоту. И это понятно.

Прежде всего запоминается самое яркое, радостное. Об этом хочется говорить без конца, рассказывать так, чтобы все, даже непосвященные, поняли прелесть покорения гор.

Но ведь есть и другая сторона в альпинизме, это

трудности пути, когда подвигом становится каждый шаг, когда на последних метрах у цели ноги наливаются свинцом и легкие, кажется, работают впустую в разреженном воздухе высоты... Нет, счастливые победители об этом вспоминают не очень часто. Эта «черная» альпинистская работа для них нечто, само собой разумеющееся. Разве без нее покорить вершину?

Когда выпускник Бакинского медицинского института Наджимеддин Гаджиев впервые попал в альпинистский лагерь в качестве врача, он, признаться, несколько растерялся. Не то чтобы его пугала или казалась слишком дорогой цена, которую приходится платить человеку за счастье взглянуть на землю сверху. Но все-таки, нельзя ли тут что-нибудь придумать?

Человек очень скромный, Наджимеддин ни с кем в лагере не делился своими мыслями: альпинисты, конечно, найдут здесь повод поострить над новичком-доктором. И доктор решил поближе познакомиться с горами и со своими новыми друзьями.

Наджимеддин пробыл в лагере не месяц, как собирался вначале, а все лето. Перед отъездом в Баку доктор взял рюкзак, облачился в альпинистское снаряжение и вместе с группой наименее квалифицированных восходителей отправился в горы.

Поистине, это незамысловатое восхождение на высоту около четырех тысяч метров явилось для Наджимеддина Гаджиева историческим. Во-первых, потому что горы, которые он до сих пор видел только издали да из ущелья, где располагался лагерь, покорили Наджимеддина, он почувствовал, что отныне будет им верен. А во-вторых, на обратном пути в лагерь случилось событие, ставшее первым звеном в будущей длинной цепи поисков, сомнений и открытий ученого-медика.

Случился, собственно, пустяк: у перевала Ахсу на высоте 3300 м одна девушка поранила об острые камни ногу. Конечно, доктор тут же обработал рану по всем правилам медицинской науки, наложил на ногу стягивающую повязку.

Но... как ни странно, ранка продолжала кровоточить. Наджимеддин был и смущен («Что подумают о нем? Врач с дипломом не умеет кровь остановить!») и удивлен («Почему же она все-таки идет?»).

Отряд между тем шел вниз. Оставалось преодолеть

каких-нибудь 600—700 метров спуска. Наджимеддин не спускал глаз со своей подопечной. И рана наконец перестала кровоточить.

В лагере после тщательного осмотра и обработки раны установил — сосуд не поврежден. Почему же на высоте не останавливалось кровотечение?

Вернувшись в клинику, Наджимеддин пришел к профессору Ф. А. Эффендиеву — своему руководителю. И в ответ на обычный вопрос: «Ну, как отдохнул?» — рассказал и о пустяковой ранке, почему-то упорно кровоточившей на высоте, и о необыкновенной усталости, которая так и валит с ног здоровенных ребят... Нет, нет, Наджимеддин не думал жаловаться на трудности своих первых шагов к высоте. Он спрашивал. Он говорил о том, что, кажется, нашел область, в которой тьма никем не изученных вопросов. И ему очень хочется искать ответы на них.

— Стоит? — спросил он профессора.

— Безусловно. Это очень ново, очень современно, — ответил Эффендиев. И добавил: — И трудно...

Так Наджимеддин Гаджиев стал альпинистом, так начал свой путь в горы — путь ученого.

На медицинском языке это называлось так: «Изучение системы свертываемости крови у спортсменов-альпинистов в высокогорных районах Кавказа». Это было начало. Первая ступенька, первая глава в разработке обширной темы — «Человек и высота».

Едва начался альпинистский сезон, Наджимеддин был снова в лагере.

Нельзя сказать, чтобы ему было легко. Рюкзак у врача-альпиниста оказался по меньшей мере килограммов на пять тяжелее, чем у других. В рюкзаке разместилась лаборатория: тут было все необходимое для того, чтобы в любой момент сделать анализ крови, измерить кровяное давление и т. п.

Не надо забывать при этом, что Наджимеддин в то время еще только осваивал альпинистский спорт...

Да, нужна была немалая выдержка, чтобы на коротких привалах, не поддаваясь усталости, работать.

— Зачем тебе столько анализов, Наджимеддин? Ты у нас так всю кровь выпьешь! — шутили альпинисты, когда врач, пользуясь каждым удобным случаем, раскладывал свою лабораторию.

— Факты — хлеб ученого, — и Наджимеддин задумчиво рассматривал на свет свои тоненькие трубочки и пластинки. — Ох, нелегкий хлеб!

Походная тетрадка пополнялась записями. Каждое восхождение прибавляло все новые и новые факты. Но Наджимеддин знал, что нельзя спешить с выводами.

Прошло еще одно лето в горах. И еще одно — на этот раз у Эльбруса.

Прежний новичок-альпинист стал работать в школе инструкторов альпинизма, и сам получил звание инструктора. Он забирался в горы все выше и выше. Не только потому, что влекли к себе неведомые, невиданные, непокоренные вершины. Каждая новая высота давала новые наблюдения.

Наконец «Приют одиннадцати», где Наджимеддин раскинул свою походную лабораторию, собрал последние факты. Теперь можно было сделать определенные выводы.

Весной 1954 года молодой ученый выступил на заседании Азербайджанского медицинского общества с первичными выводами из своих наблюдений. Ему удалось убедительно показать, как с изменением высоты изменяется состав крови у человека, как высота «съедает» в крови кислород. Он написал на эту тему несколько статей для специальных журналов. И статьи его вызвали интерес. «Надо работать дальше», — советовали Наджимедину Гаджиеву.

Разумеется, надо работать дальше! Ведь это только начало — первые выводы из первой серии наблюдений. Конечная цель каждого ученого, его мечта — увидеть практическое воплощение своего труда, увидеть, что оно дало людям.

Наджимеддин видел перед собой утомленные, осунувшиеся лица друзей перед последними шагами к вершине. Вот если бы сейчас на этих решающих метрах человек хоть на короткое время почувствовал себя так, как в лагере: бодрым, свежим, готовым к любым испытаниям!

Дальше, дальше... Первый шаг — найдена определенная причина усталости: недостаток кислорода в крови, кислородная недостаточность. Шаг второй — найти средство, раскрыть секрет того, как помочь организму восстановить жизненно важную потерю.

Наджимеддину предстояло сделать этот второй шаг, когда он взялся за работу над своей кандидатской диссертацией.

Наджимеддин запомнил свое восьмое восхождение на Эльбрус в 1956 году. Не потому, что оно было для него каким-то особенным или богатым приключениями. Нет, скорее наоборот, — путешествие прошло почти как детская прогулка. Наджимеддин вернулся в лагерь как никогда свежим, даже обычной для него при подъеме небольшой головной боли он на этот раз не испытал. А как он работал на восхождении! За двоих, не меньше!

В чем было дело? Наджимеддин решил, что еще некоторое время не надо раскрывать секрета. Но вскоре представился случай, который просто грешно было упустить.

В том же году аспирант Азербайджанского института переливания крови, альпинист-разрядник Наджимеддин Гаджиев был включен в группу, штурмовавшую коварный пик Победы. И здесь он не расстался со своей походной лабораторией. Только теперь она стала еще увесистее — Наджимеддин прибавил к своим инструментам кислородный баллон.

Кислород — вот в чем острее всего потребность человека, забравшегося в поднебесье! Из дневников английских восходителей Наджимеддин знал, что те очень часто перед ответственным штурмом спят в кислородных масках. Организм как бы насыщается живительным средством, и восходитель некоторое время не чувствует кислородного голода, ему не страшен бич альпинистов — горная болезнь.

Итак, кислород. Но тащить с собой в высоту кислородные баллоны очень невесело. Одно дело, конечно, пострадать для науки, для опыта. Но если для облегчения штурма — то никакого облегчения не получится. Вряд ли кто из альпинистов согласится тащить на себе лишних двадцать килограммов, нужных для того, чтобы только подышать перед ответственным моментом. Да каждый скажет: «Нет, уж, увольте, я лучше так обойдусь!»

И Наджимеддин нашел выход.

В 1957 году из лагеря Джан-Туган отправились на восхождение две группы. Одна была подготовлена отлично, другая — гораздо слабее. Всем, кто шел во второй

группе, Наджимеддин перед штурмом ввел под кожу кислород.

Врач был уверен в эффекте. Еще бы! Уже несколько раз он испытывал это средство на себе: укол кислорода рассасывался быстро, а результаты получались всем на удивление — усталые друзья, шагавшие рядом, поглядывали на свежего, бодрого Наджимеддина с завистью.

А теперь ребята, которые считались слабыми, торжествовали: они справились с восхождением, перенесли все трудности лучше своих более крепких коллег.

Однажды на Памире произошел случай, который мог бы стать трагическим, но кончился благополучно благодаря кислородным инъекциям Наджимеддина. Группа наших восходителей отправилась на пик Ахмади Дониша. В лагере остались трое, среди них молодой парень — радист по имени Леша и Наджимеддин Гаджиев.

К обеду у Леши резко поднялась температура. Он задышался, кашлял.

— Воспаление легких, — печально констатировал доктор.

На такой высоте все болезни протекают в необыкновенно острой и тяжелой форме, и воспаление легких тут опаснейшая вещь! Антибиотики? Не помогают. Температура у Леши не снижалась — 41°. Что делать? Немедленная эвакуация или смерть! Вызвать по радио вертолет, срочно вывозить больного? Такое место, что вертолету не подойти к лагерю...

Наджимеддин решительно взялся за свой «лошадиный шприц», как называли его за гигантские размеры альпинисты, и за баллон с кислородом.

Инъекции рассасывались быстро. Леше стало чуть лучше, и Наджимеддин решил срочно пробираться с ним вниз.

Путь был очень трудным. Пять горных бурных рек преграждали дорогу. Счастье еще, что альпинистам повстречался караван экспедиции ташкентских восходителей. Лешу посадили на лошадь, привязали к седлу...

Во время одной из переправ едва не случилось несчастье. Бурный стремительный поток капризной Бляндкик понес и врача и больного. С ног до головы мокрый Наджимеддин выбрался на камни. Караванщики помог-

ли вытащить Лешу. Для больного с воспалением легких — ледяная ванна!..

«Погибнет,— думал Наджимеддин, видя, как синева заливает лицо радиста.— Скорее кислород!..»

Когда после шести дней путешествия Леша попал в Ошскую больницу, он уже был вне опасности. Кризис миновал благополучно. Небывалый случай!

«...Аналогичные наблюдения еще не проводились нигде... Выводы автора представляют большой интерес, имеют актуальное значение для развития альпинизма... Эта работа характеризует автора, как подготовленного и эрудированного специалиста...» — так отзывались о диссертации молодого ученого специалиста.

В 1958 году Наджимеддин Гаджиев с триумфом защитил эту диссертацию и получил кандидатскую степень.

Остановиться? Конечно, нет! Наджимеддин справедливо считал, что ему удалось пока решить только основные положения, проблемы. Тема, за которую он взялся,— это поистине богатейшая золотая жила для исследователя. Простейшее наблюдение за упрямо кровотокающей ранкой девушки-спортсменки заставило медика проследить за тем, как ведут себя на высоте кровь, нервы, зрение...

— Да, тебе тут материала на докторскую хватит! — пошутил один из коллег Гаджиева, когда Наджимеддин рассказал ему о десятках вопросов, которые ему хотелось бы разрешить.

И Наджимеддин Гаджиев действительно работает сейчас над докторской диссертацией, в которой будут развиты дальше многие проблемы, намеченные им в начале своего восхождения к вершинам науки.

Как и в начале пути, он идет за ответом к горам. Ученый приходит к ним, уже научившись понимать суровый и мужественный язык великанов. В горах, оказывается, раскрываются не только человеческие характеры. Высота способна открыть пытливому наблюдателю множество секретов, ключа к которым не найдешь внизу, в обычной земной лаборатории.

Но не только к горам, как единственной лаборатории, обращается ученый-альпинист. В поисках ответа он спускался «на дно морское», вместе с бакинскими спортсменами-аквалангистами нырял в глубины Каспия. Он об-

ращался к проблемам авиационной и космической медицины (ведь горы ближе всего к космосу!).

К переднему краю науки привел спорт Наджимеддина Гаджиева! И можно не сомневаться — ученый вернет долг своему проводнику. Большая часть из открытого и найденного им поможет дальнейшему развитию альпинизма, поможет новым тысячам людей овладеть им.

СОДЕРЖАНИЕ

Показавший дорогу	3
Лавинная ночь	11
Ветеран	18
Когда дрогнула земля	28
Двое идут сквозь бурю	40
Тайна пещеры Мата-Таш	47
Глазами очевидца	54
«...Он эстафету нес...»	59
Лед и пламень	67
Путь без возвращения	78
Трубочист	84
Хозяин Эльбруса	88
Горный доктор	95

**Наталья Александровна Колесникова,
Азарий Иосифович Поляков**

ДВОЕ ИДУТ СКВОЗЬ БУРЮ

Редактор **Л. П. Орлова**

Художник **И. А. Кононов**

Художественный редактор **Е. Ф. Николаева**

Технический редактор **А. С. Елагин**

Корректор **Л. В. Чекалова**

Сдано в набор 18.VIII. 65 г. Подп. к печ. 26.I.66. г.
Форм. бум. 84×108/32. Физ. печ. л. 3,25. Усл. печ. л. 5,33.
Уч.-изд. л. 5,4. Изд. инд. ОИ-8. А10215. Тир. 50 000 экз.
Цена 17 коп. Бум. № 2. Темплан 1966 год № 355.

Издательство «Советская Россия».
Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавполиграфпрома Комитета
по печати при Совете Министров РСФСР, г. Электросталь
Московской области, Школьная, 25.
Заказ № 696

